

ВИТАЛИЙ ПОЛИЩУК

Под стук колес

ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ

Виталий Полищук

Под стук колес. Дорожные истории

«Издательские решения»

Полищук В.

Под стук колес. Дорожные истории / В. Полищук —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832437-6

Дорожные истории — фактически сборник повестей, написанный по рассказам, которыми обмениваются попутчики во время долгой дороги, сидя на полках тесного купе вагона поезда. Обычно рассказывают нечто интересное, страшное и главное — необычное. Такое, что заставляет широко раскрывать в изумлении глаза, а иногда сжиматься сердце в ужасе.

ISBN 978-5-44-832437-6

© Полищук В.
© Издательские решения

Содержание

А все-таки осталось непонятно...	8
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	9
Инженер Курочкин Олег Семенович	11
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	13
Инженер Курочкин Олег Семенович	16
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	18
Инженер Курочкин Олег Семенович	22
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	25
Инженер Курочкин Олег Семенович	29
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	31
Инженер Курочкин Олег Семенович	33
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	35
Инженер Курочкин Олег Семенович	37
Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.	39
Мертвая лощина	42
1	42
2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Под стук колес

Дорожные истории

Виталий Полищук

© Виталий Полищук, 2016

ISBN 978-5-4483-2437-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти все, написанное в этой книге – плод авторского вымысла писателя.

Любые совпадения имен, времени и места действия могут быть только случайными.

Вагон на стрелке путей резко качнуло влево, и меня, инерцией придавив к стенке коридора, «повело» к вагонному окну, возле которого я стоял с момента отправления поезда из родного города Барнаула в дальний путь – на Москву.

Стоял октябрь и за окном было темно.

Итак, путешествие началось – впереди была почти трехсуточная дорога, тесное купе с тремя попутчиками, с которыми я еще не успел познакомиться, и обязательные дорожные разговоры.

А что делать еще во время железнодорожного путешествия, кроме как спать, есть и каким-то образом коротать время? Естественно, за разговорами, в особенности если попадутся интересные попутчики.

Я ехал в Москву в «Издательский дом ЭксЛибРис» с целью попытаться пристроить для издания свой последний роман.

Роман получился так себе, не очень, и мне самому не особо понравился по завершении работы над ним, но пара-тройка моих товарищей, любивших почитать мои опусы в рукописном варианте, то есть – первыми, с целью покритиковать (реже – похвалить) результат моего писательского труда, к моему искреннему удивлению роман дружно хвалили, а не ругали. Им понравился и сюжет, и то, как я развернул действие.

Только благодаря этому обстоятельству я, по получении отказа от своего постоянного издателя принять роман и включить его в тематический план «ЭксЛибРиса», читай – просто-напросто не желают издавать роман, решил съездить в Москву и, лично переговорив с издателями, попытаться переубедить их и этот мой роман все-таки принять.

Постояв у окна еще некоторое время и дождавшись, пока в темноте за стеклом улетят назад последние строения моего города, сменившись соснами ленточного бора, среди которого вольно раскинулся Барнаул, я отодвинул дверь купе и вошел внутрь.

На меня сразу же уставились три пары мужских глаз.

Повезло – на этот раз все попутчики – мужчины, и если едут, как я – до Москвы, считай, повезло вдвойне. Обживемся, перезнакомимся и, глядишь, очень даже неплохо проведем время.

Со знакомства я и начал, протянув руку первому соседу и одновременно представившись: – Виктор Васильевич, еду до Москвы. А вы?

В ходе нашего знакомства выяснилось следующее – во-первых, до Москвы ехали все. Во-вторых, все прихватили с собой «кое-что», (как и я сам, кстати), надеясь именно на такой

вот вариант – «целиком мужицкое купе», когда можно будет не просто ехать по своим делам, но и с приятностью провести в пути время.

Теперь о попутчиках подробнее.

На второй полке ехал молодой (лет тридцати пяти) оперативный работник милиции Барнаула Сережа. Он называл и фамилию, но так как она для настоящего повествования значения не имеет, то я ее опускаю. Ну, Сережа – и Сережа. Среднего роста, крепкий, как и подобает офицеру милиции из угрозыска (он имел звание майора), с симпатичным лицом мужчины, не чурающегося женского пола, но вообще-то по виду – не бабник. Он-то первый и спросил «как насчет того, чтобы после получения постелей поужинать всем вместе и слегка принять «за благополучный отъезд?»»

Один из пассажиров, ехавший внизу, Русин Алексей Петрович, был настолько словоохотлив, что уже при знакомстве кое-что о себе рассказал – и то, что ему до пенсии – остался год, но он попал под сокращение, согласно закону имел право на получение пенсии по возрасту досрочно, и вот теперь, сдав все документы в райуправление пенсионного фонда, едет в Москву к младшему брату – «везет рукопись деда», как он выразился.

Я упоминаю об этом, потому что это важно для дальнейшего повествования.

Но – чтобы закончить о Алексее Петровиче. Так вот, он идею тесного общения за «совместными ужинами» (он так и сказал во множественном числе – «совместные ужины») с «некоторым потреблением горячительного – что же мы, не русские мужики, что ли?», поддержал. Ну, а каким он был внешне – пожалуй, тут подойдет слово «обыкновенный»: круглое лицо, слегка лишь редящие на голове русые волосы с проседью, нос типичного «русака» – картошкой, светлые глаза. Ну, что словоохотлив – я уже упоминал.

Напротив Алексея Петровича, на второй нижней полке, ехал мужчина лет пятидесяти – пятидесяти двух.

О том, что он не так давно перенес операцию и последствия ее иногда давали о себе знать, мы узнали позднее, а в первый вечер никто не обратил внимания, что он иногда морщится. Высокий, сразу видно, что в молодости, наверное, был красивым парнем, причем красота эта была не яркой, как у блондина Ланового или bruneta Макарского (я говорю об киноактерах: Василий Лановой – кумир кино 20-го века, а Антон Макарский – кумир нынешнего уже, века 21-го!), нет!

Внешность Игоря Сергеевича Онищука, который ехал через Москву, возможно, аж в Азербайджан, была сродни внешности актера Тихонова-«Штирлица» – правильные черты лица, печать «породы», но именно о таком лице говорят – холодноватое...

Ну, а о себе я говорить не стану – зачем? Мое фото – на обложках моих книг!

Итак, поезд отправился около одиннадцати часов вечера, и затем один час ушел на следующее: во-первых, проводница собрала билеты и разнесла нам постели, во-вторых, мы сняли матрасы и застелили каждый свою полку... Ну, а последнее, что мы сделали, это переоделись в дорожные одежды по очереди, чтобы не толкаться в узком проходе купе, мешая друг другу.

Сережа в течение этого первого часа успел еще и сходить в тамбур перекурить, затем заказать проводнице чай на всех и уже через час мы приготавились ужинать.

Не взирая на то, что каждый дома перед отъездом уже ужинал, примерно часиков в 6—7-мь вечера.

Но это – поезд, и стучащие на стыках рельс колеса, это приятная мужская компания – и наличие под боком горячительных напитков. Так что – ужинать и ужинать, господа!

Причем по предложению Сережи решили, что кормиться будем вскладчину – а вот спиртным постараемся не злоупотреблять и пить лишь запасы одного из нас (как выяснилось, Игорь Сергеевич, по состоянию здоровья спиртных напитков с собой не захватил, но против «по чуть-чуть» не возражал). Так как поезд шел до столицы почти трое суток, то еды на три ужина нам должно было хватить. Ну, и на завтрак перед прибытием в Москву.

Так мы и решили, и хотя нас было четверо, все сложилось просто идеально!

Поскольку ужинать с горячительным была идея Сережи – по крайней мере, именно он ее первым предложил, то на приоконном столике мы разложили мясо, колбасу, вареные яйца, помидоры – и раскупили бутылку коньяка из Сережиной сумки.

Уютно позвякивали ложечки в чашках чая (теперь, увы, не было в поездах стаканов с подстаканниками), мы с аппетитом кушали, а также наливали и наливали в четыре выпрошенные Сережей у проводницы дополнительные чашки коньячок. И постепенно приходили в состояние умиротворения, когда дорожные хлопоты уже забыты, а до приезда к месту назначения – ехать несколько суток, так что можно расслабиться, ни о чем серьезном пока не думая.

Четыре приведенных ниже рассказа моих попутчиков и один – мой, явились как раз результатом нашего расслабленного (в хорошем смысле) состояния.

Мы ведь – русские, и нам, выпив по сто граммов, обязательно нужно поговорить.

И конечно, узнав, где работает наш попутчик Сергей, мы тут же принялись уговаривать его рассказать нам какой-нибудь случай из его наверняка богатой практики.

Никто из нас совершенно не хотел спать – сказывалось предотъездное возбуждение, усиленное принятым пусть и не в большом количестве, однако не случайно ведь именуемым горячительным...

Сережа оказался парнем компанейским, упираться не стал, и под легкое колыхание вагона, рассказал нам следующее.

А все-таки осталось непонятно...

– Хотите верьте, хотите нет, но расследование, о котором я расскажу, как бы завершено. Но фокус в том, что все так и осталось непонятным.

А началось все сразу после наступления Миллениума – начала Нового 2000 года...

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

Сразу после Нового года меня перевели из краевого управления внутренних дел в Железнодорожный райотдел милиции Барнаула, и «посадили» на розыск пропавших без вести.

Здесь придется сделать отступление и пояснить, что к чему, иначе не будет понятно кое-что из дальнейшего.

Я был уже старшим лейтенантом, служил в управление угрозыска края, занимался насильственными преступлениями против личности.

Это нанесение телесных повреждений, вообще любое причинение умышленного вреда человеку. Кроме – убийств, отдел убийств – структура самостоятельная. Кстати, почему-то в сериалах этот отдел называют «Убойным». Чепуха какая-то – убойщики работают на бойнях скота, ну, правда правильно называются «забойщиками».

Но я отвлекся.

Я-то как раз занимался причинением тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. По незнанию люди считают, что это – убийство. Но уголовный кодекс убийством называет умышленное лишение жизни, а если человек жил после причинения повреждения какое-то время – хотя бы до момента, когда приехала «Скорая помощь» или милиция – это уже тяжкие телесные повреждения. И, естественно, преступник будет отвечать по другой статье Уголовного кодекса.

Я это подробно рассказываю потому, что из краевого управления меня вышибли как раз за работу над раскрытием такого вот преступления.

Но еще несколько предварительных слов.

Чем отличаются обязанности оперуполномоченного краевого управления от работы обычного «опера на земле», то есть – офицера милиции районного отдела?

Да тем, что мы чаще всего сами не осуществляем первичное раскрытие преступления – это делают в райотделах. А нас бросают на усиление работы, для помощи работникам «на местах».

Нет, иногда при совершение особо опасного преступления его сразу отдают для работы нам – но все равно опера из райотдела несут основную нагрузку.

Короче, сынок одного из городских руководителей напился в ночном клубе и избил одного из своих сверстников так, что тот умер, не приходя в сознание, в больнице. Через три часа после того, как его доставила «Скорая помощь».

Обычная история... И начали работу по раскрытию местные оперативники.

Но когда вышли на преступника – тут же связались с нами. И учитывая личность преступника, меня «бросили на усиление».

И ведь все знали, что крайним, скорее всего, сделают меня. Я не буду вам называть фамилии папы преступника – скажем, один из руководителей тогдашней партии власти «Наш дом – Россия». Алтайского отделения этой партии.

И оказался я между двумя жерновами.

Папа и его друзья давят с одной стороны – требуют, чтобы я нашел смягчающие обстоятельства.

Родители потерпевшего пишут жалобы в прокуратуру, и оттуда мне звонят и требуют, чтобы я действовал «по всей строгости закона».

В итоге – преступника осудили и дали ему условно два года.

Тогда отец потерпевшего съездил в Москву в Генеральную прокуратуру, и оттуда приехали проверяющие.

И меня, как «не обеспечившего должного руководства при работе над раскрытием особо тяжкого преступления» понизили в должности.

Да нет, я, конечно, ничего «не подтасовывал», все я сделал правильно. Но в суде сейчас все решают адвокаты и судья – а любые доказательства можно рассматривать так или эдак. А можно вообще во внимание не принимать.

Короче – меня из краевого управления «ушли».

И поставили на самую скверную должность – розыск пропавших без вести.

Вы вообще представляете, что это такое в наше время? Десяток лет назад генерал Гуров озвучивал в Госдуме данные о пропавших – до 30 тысяч человек в год выходят из дома и больше их никогда не находят.

А как вы думаете, кого за это бьют? Кто крайний? Милиция и непосредственно работники, которые «сидят» на розыске пропавших.

Так что меня два раза наказали. Первый раз – понизили в должности: был старший опер крайуправления угрозыска, стал простым опером райотдела. А второй раз – не просто опером угрозыска, а оперуполномоченным по розыску пропавших.

Ну, а теперь перехожу, собственно, к рассказу.

Первый розысканный мною был пропавший предприниматель Сергеев.

Сразу предупреждаю – фамилии беру «с потолка», первое, что на ум придет. Ну, а обстоятельства постараюсь сохранять без изменения.

Так вот, Сергеев этот исчез два года назад. Позвонил ему кто-то, он вышел из дома, жена в окно видела – сел в подъехавшую серебристого цвета автомашину.

И уехал. Насовсем.

В деле розыска было несколько бумаг, протоколов. И все.

Ну, опыт не пропешь, как говорится, и я начал с поиска людей – «кому выгодно»?

Не буду вас утомлять сильно, скажу сразу – через несколько дней подозреваемый был. Конкурент по бизнесу, бывший товарищ Сергеева – когда-то учились в одной школе.

Но ведь нет тела – нет факта убийства. А мне было ясно, что Сергеев убит – не было у него другой причины вот так вот исчезать из дома. Хорошая семья, понятливая жена, дочь.

И дела у него шли неплохо, в общем – только насильственное преступление, убили его.

Но раз нет тела – нет убийства!

И я стал искать круг лиц, через которых можно было надежно спрятать тело. И быстро вышел на двоюродного брата подозреваемого оператора одной из котелен города. Проще говоря – истопника.

Вот его я на допросе и «расколос» – когда я заявил истопнику, что мы нашли кольцо сожженного им в топке Сергеева, он закричал: «Врете, кольцо я снял, дома у меня оно!»

Остальное – это детали.

Вот так началась моя работа оперуполномоченного по розыску пропавших без вести...

Инженер Курочкин Олег Семенович

Нужно отметить, что все мои необычные способности – результат увлечения в 80-е годы 20-го, естественно, столетия, такими специфическими занятиями, как каратэ и йога.

Считается, что если вы начали заниматься йогой, и регулярно делаете дыхательные упражнения и медитируете, то вас начинает насыщать особая энергия – прана.

Именно она и дает возможность человеку развивать биоэнергетические способности.

И хотя я занимался всего пару лет, эти занятия сказались-таки позднее – лет пять назад открылись у меня трансцендентальные возможности. Так себе, слабенькие, но боль я снимать могу до сих пор и пассами ладоней, и наложением рук. Себя пролечиваю постоянно – то кровеносные сосуды ног, то зубы...

Но это так, вступление. Для того, чтобы было понятно дальнейшее.

Работал я тогда инженером по технадзору городского управления по благоустройству и озеленению.

Знаете, должностенка так себе – низшая ступень чиновничьей иерархии. Но это – так сказать, в обыденности, каждодневно.

А вот один раз в месяц... Да, один раз в месяц, в конце, числа так начиная с 25-го, я становился важным лицом.

Именно в конце каждого месяца наши подрядчики сдавали мне фронт работ. И если я не подпишу акты приема работы, рабочие и служащие подрядных организаций не получат зарплату.

Потому что объем их месячных работ принимал я.

Это и есть – осуществление «технического надзора». Например:

А как заасфальтирован Ленинский (или Комсомольский) проспект? Сколько погонных метров залито асфальтом?

Правильно ли уложена подстилающая подушка проезжей части? Не «гуляет» ли асфальтовое покрытие?

И так далее.

Вот после моей подписи актов руководители подрядчиков утверждали их у нашего начальника управления благоустройства, ну, а далее работали бухгалтерско-финансовые службы.

И подрядчики получали зарплату. И премии.

Да, я же не сказал ничего о себе. Ну что, мне до пенсии оставалось несколько лет, то есть приближался потихоньку шестидесятилетний рубеж. Жил я один в однокомнатной квартире, с супругой как-то не заладилось, и некоторое время назад мы тихо развелись.

Благо дети давно уже взрослые, у них – свои семьи, жилье, работа.

Так что жизнь моя текла неспешно. С 9-ти до 18-ти ежедневно – работа, а вечера я проводил перед телевизором.

Ну, конечно, как все люди моего поколения я любил книги. Читал я перед сном, час-другой, но последнее время все меньше – не стало, знаете ли, хороших книг.

И начала у меня развиваться желчность. Это – не болезнь, это такое качество характера. Сейчас это слово употребляют редко, а вот раньше – раньше слово «желчность» знали все.

Означало это – постоянное недовольство всем и всеми окружающими.

Дальше – больше. Телевизионная реклама, прерывающая любимые кинофильмы или другие передачи – КВН, например, способствовали развитию недовольства. И если раньше я

видя, например, в окно человека, которого не любил, мог просто подумать о нем что-то, вроде: «Вот ведь паразит! Ходит себе, смеется, доволен жизнью!», то теперь я часто говорил это вслух.

Причем со злостью в голосе.

Это и есть желчность. И сыграла она со мной нехорошую шутку.

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

Хочу сказать, что не смотря на такое удачное начало работы в ОУР Железнодорожного района (ОУР – так называли мы отделение угрозыска) особо успешной службу здесь я бы не назвал.

Нет, ребята работали здесь хорошие. И чувство локтя, и взаимопомощь – все это было, конечно. Но «на земле» никогда не любили пришельцев из УВД – сверху. Так что мои отношения с ребятами долгое время были прохладными.

Не способствовало улучшению их и следующее обстоятельство.

В конце 90-х годов коррумпированность стала настолько всеобщей, органы правопорядка были затронуты настолько сильно, что мои коллеги не стеснялись и взятки брать, и предлагать их.

Нет-нет, много было и честных офицеров. Но они старались держаться в тени, не высываться. А вот те, кто был куплен...

Я это ощутил на себе.

Итак, после раскрытия убийства бизнесмена Сергеева, я наметил еще два перспективных дела по розыску пропавших.

Первое дело – об исчезновении рабочего мясокомбината Петрова.

Второе – исчезновение без вести бухгалтера частной фирмы Ивановой.

Да, конечно, дел у меня розыскных в производстве было более десятка, и заявителей приходило ежедневно по нескольку человек, но тут особенность следующая.

Подавляющее число исчезнувших находится через день-два. Поэтому крайне важно для оперативника, работающего по розыску пропавших, не забывать взять все номера телефона заявителей и членов семьи. Если вы не хотите бегать по городу, причем – совершенно напрасно.

Ведь у нас народ поступает как? Когда кто-то исчезает – бегут к нам, умоляют «принять все меры», суют фото пропавших вам в руки – в общем, зудят под ухом и мешают работать. Но это – сразу после исчезновения человека.

Однако подавляющее большинство исчезнувших возвращается домой через несколько дней. Поэтому, во-первых, мы берем заявление о пропаже человека лишь через три дня после его исчезновения. Во-вторых, просим, как только (и если) человек найдется – сразу же сообщить нам. Ну, чтобы мы могли прекратить работу по розыску пропавшего.

Однако почему-то счастливые родственники это сделать забывают! Сплошь и рядом!

И посему каждое утро мы начинаем с обзванивания заявителей – нет ли новостей о пропавших? Не вернулся ли человек? Ну, и в этом роде далее. Так что знать нужные телефоны – часто уже полдела.

У меня был случай – закрутился я, человечка выслушал, дал бумагу – «Пишите заявление!», и вышел. Вернулся – заявление на столе, фотография, причем заявитель успел сходить и заявление зарегистрировать – секретарь была новая и...

В общем, заявление есть, штамп о регистрации – есть, а номера телефонов заявитель не указал.

Трижды я ездил по адресу, а последний раз поехал поздно вечером. Ну, нет никого дома, и не мог я узнать, нашлась пропавшая-не нашлась, а сердцем чувствую – дома! И вот в четвертый раз приезжаю, мне открывают дверь, начинаю расспрашивать, а мне говорят – так она на другой день после того, как отец написал заявление, домой пришла – ездил в Искитим в соседнюю область на свадьбу подружки!

Я говорю: «Ну вы же должны были позвонить, или прийти – вы же заявление написали!»

В ответ мне пожимают плечами: «Ах, извините, ой, а мы и не подумали...»

Да, вот такая работа.

Короче, дела по розыску Петрова и Ивановой. Вы, наверное, уже догадались, что фамилии я беру «с потолка». Живые, точнее – настоящие, уж извините, я все-таки называть не буду.

И вот как только я начал по-настоящему «копать» эти два дела, вникать в обстоятельства исчезновения людей, сразу почувствовал – опять убийства! И в том, и в другом случае.

Рабочий Петров. Казалось бы, кто мог убить рядового рабочего мясокомбината?

Ну, кому он мог помешать?

Действительно, никому. Но фокус в том, что Петров этот пил, а напившись, буквально терроризировал семью: жену, малолетнего сына, дочь-старшеклассницу. Жена у него – сволочь последняя, дочь – проститутка, и вот в таком ключе скандалы чуть не каждый день. Я с соседями поговорил, те мне обстановку в семье Петровых и обрисовали.

Так что жена вполне могла... поспособствовать исчезновению. Да что там, мне ее соседка так и сказала: «Они вот уже два месяца как люди, живут. Тихо у них, спокойно... Посмотришь, как дочка братика из садика ведет – на душе хорошо... Любят они друг-друга. Сестра-то и брат... А пьянь эта – Петров, дочь иначе как проституткой и не называл... Сволочь такая...»

И вот так все соседи примерно характеризовали...

А вот исчезновение бухгалтера Ивановой...

Здесь я сразу же начал проверять ее по финансовым делам. Если и убили – то только из-за рабочих моментов. Бухгалтера нынче из частных фирм – зачастую люди, занимающиеся делами повышенного риска. Где ошибиться нельзя – ну, прям саперы какие-то. Много ведь знают они. А бизнес у нас был, есть и будет, наверное, еще долго полукриминальным.

И вот как только я начал делать конкретные шаги по обоим делам, ко мне тут же пришли коллеги. Нет, не все, не вместе, а сначала один, потом другой. И предлагают мне немного ослабить усилия в работе по этим двум направлениям, а напрячься по делам каким-нибудь другим. Я ведь уже говорил – у меня в производстве дел по розыску было десятков-два одновременно. Так что...

Было, словом, над чем работать. А по Петрову и Ивановой – тут я все угадал «в цвет». Мужа-пьяницу жена убила. Банально, пошло – сковородой по голове во время скандала. Ее муж уже бить начал по пьяному делу. Раньше-то только оскорблял да грозился, а тут...

Кто ей помогал избавиться от тела, я не узнал, а где тело – думаю, знаю. По соседству с ее домом стройка многоэтажного дома была, как раз бетонные работы производились. Так что упокоился пьяница Петров где-нибудь в бетонном фундаменте.

Про само убийство мне коллега коротенько рассказал, и предложил две тысячи долларов. Ну, а сколько ему жена убиенного заплатила – я не знаю.

Посидел я, подумал – и согласился дело прекратить. Позже, со временем, а сейчас просто отложить его в сторону.

Никто не разрешил бы мне сносить здание, чтобы затем можно было раздолбить его бетонное основание. Исчез Петров более двух месяцев назад – дело мне досталось от предшественника. За это время на месте стройки уже стояло двенадцатиэтажное здание, вовсю шли внутренние отделочные работы.

А ведь трупа нет – нет и факта убийства! Догадки мои к делу не пришьешь.

Это – с одной стороны.

А с другой – побывал я в семье Петровых, посмотрел на членов семьи, обстановку, атмосферу поизучал. И знаете, подумал – а туда ему и дорога! Петрову этому.

Нет, ну что вы – денег я не взял!

А вот с делом по розыску исчезнувшей бухгалтера Ивановой все произошло по-другому. Как только я вышел на владельца фирмы, занимающейся поставками по Сибири металлоизделий, производимых у нас в Барнауле, ко мне тут же пришел другой мой коллега.

Ставки, конечно, были здесь гораздо выше, поэтому мне предложили сразу пятнадцать тысяч, и намекнули, что можно запросить и больше.

Я отказался, коллега похмыкал, похлопал меня по плечу:

– Ну, гляди, – говорит. – Успехов тебе в работе, дорогой товарищ, раз ты решил так...

Я не понял, что он имеет в виду, а потом, когда столкнулся с жестким продуманным сопротивлением по месту работы Ивановой, когда, изучая варианты сокрытия тела убитой, понял, что платформы и вагоны, которые еженедельно растаскивали тепловозы и электровозы по всей Сибири – эта прекрасная возможность увезти тело и закопать, скажем, где-нибудь в тайге в Иркутской области – тогда мне стало ясно, что дела этого мне «не поднять». Физически невозможно.

Вы не подумайте, что у меня во всем были обломы. Это я для примера привел два случая. А успешных дел у меня было гораздо больше.

А вообще... Сильно мешали нормальной работе тогда житейские дела, неустроенный быт.

Жил я в то время в комнате коммунальной квартиры на четырех хозяев. Моя комната была площадью 14 квадратных метров, соседи – пьющие и шумящие по ночам, в коридоре – вечная грязь, в кухне – тоже. Так что я приходил домой только спать.

И старался делать это попозже – часа в два прийти, поспать часов пять-шесть, и на работу! А по пути – позавтракать в кафе.

Да что вы – денег нам платили тогда очень мало! Но у меня родственники хорошие, помогали. Нет, просто занимались предпринимательством, успешно работали, ну, и ежемесячно тысяч семь-десять мне подбрасывали. Так что на питание мне хватало.

Ну, и подружки выручали. Парень я был симпатичный, молодой, холостой, с девушками обращался уважительно. Это, знаете ли в наши скотские и потому – грубые, времена очень ценилось.

Так что я пользовался успехом, все старались меня женить на себе, и я мог пожить месяц-другой то там, то здесь, причем – в комфорте, при опять-таки уважительном обращении со мной.

Нет, так и не женил никто! А расставался я всегда с подругами мирно, и теперь, встречаясь то с одной, то с другой через много лет, мы обнимаемся, а то и целуемся, вполне дружески болтаем.

Вот так и жил.

Вы понимаете теперь, что взятки мне брать и нужды-то не было. Ну, коль я совестливый такой.

Но нельзя жить в болоте – и оставаться чистеньким. Не позволят вам!

И мне тоже не позволили. На меня «капнули» в УСБ – управление собственной безопасности, и те взяли меня в разработку. Ну, это дела не для посторонних, это – наша внутренняя кухня, поэтому скажу только лишь – отбился я через месяц, устоял, и после этого от меня отстали все – и свои, и чужие.

Я ведь о предложениях, которые мне делали, заявлять никуда не стал. Так что можно сказать, что меня даже уважали.

И вот вскоре-то и началось это неприятное дельце.

Инженер Курочкин Олег Семенович

Приближение Миллениума я ощутил специфически, значимым лишь для меня обстоятельством. Меня неожиданно разыскал адвокат, которые и сообщил мне, что некоторое время назад в одной из алтайских деревень умер одинокий старик – мой дальний родственник. Имущество от него осталось кое-никакое: дом, сбережения – по современным представлениям не очень-то и много: тысяч на двести пятьдесят. Рублей, естественно.

В общем, адвокат мне сообщил, что других наследников нет, родственников разыскать более не удалось.

Я этого деда Петра не помнил. То ли троюродный, то ли четвероюродный дедушка, я его и не видел ни разу.

Но я к чему веду? К тому, что получив наследство, я решил себя побаловать и купил одним из первых жидкокристаллический телевизор с большим экраном. За двести тридцать тысяч.

Вызвал мастера, тот установил на крыше персональную антенну и я стал наслаждаться великолепным качественным телеизображением. И теперь вечерами все чаще занимался не чтением книг, а просмотром телепрограмм.

Ну, а старый телевизор вынес на кухню – я полагал, что эти ЖКТ (новые телевизоры) – могут ломаться, а старый надежный телевизор с кинескопом – пригодится в этом случае. Так сказать – на временную замену основного агрегата.

Но это – приятные дела, прости, конечно, дед Петр, я имею в виду не твою смерть.

Гораздо больше было плохого в это время – объявили о грядущем сокращении штатов у меня на работе.

Правда, пока неясно было, попаду ли под сокращение я. Но если попаду – куда идти? До пенсии – далеко, и насколько мне было известно, после пятидесяти лет только сторожем можно устроиться на работу.

Это все не могло не способствовать дальнейшему развитию моей желчности. А тут...

Соседи сбоку постоянно стучат, сверлят и пилят – все время, как я поселился здесь, у них перманентный ремонт. Сил не было терпеть.

Вдобавок все чаще стали отказывать сантехнические коммуникации – то побегут трубы в ванной комнате под самой ванной, то в туалете ломается унитаз, то нужно менять в кухне под раковиной вентили...

Сантехник же наш – полный идиот. И редкостный гад!

Представьте себе, я вызываю его, потому что капает соединение труб прямо под ванной, а мне неудобно лежать на полу – и чинить поломку. Да и в конце-концов, для чего в доме сантехник? Получающий, между прочим, зарплату?

Так вот, пришел сантехник, посмотрел и говорит:

– Ты (обратите внимание, он именно на «ты» ко мне и обращался) купи клей «БФ», а лучше – эпоксидный клей, потом пропитай им бинт и забинтуй все аккуратно. Пару дней воду в ванную не лей, и будет полный порядок!

И ушел! Представляете? Я что – не знаю, как течи устранять? Знаю! Но вызывал я его, чтобы он ремонтировал, а не для того, чтобы инструктировал меня, к а к самому ремонтировать...

И ведь зарплату в числе других плачу ему я – живу в кооперативном доме, поэтому и электрик, и дворник, и, конечно, сантехник находятся напрямую на нашем содержании...

А уж когда на очередном собрании жильцов, после того, как я попытался выступить и обозначить эту проблему – обрисовать качество работы наших рабочих, меня обматерили (именно обматерили нецензурным сочным русским матом), я разозлился очень сильно.

На соседей, службу дома, на всех!

И желчности моей, как оказалось, не было предела...

Последствиям ее проявления – так же. И связано это было, как мне кажется, с моими особыми способностями.

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

Началось все с очередного заявления об исчезнувшем без следа человеке.

Исчез сантехник Мухин, который жил по адресу Саженная, 3 квартира 25 и работавший в соседнем кооперативном доме, что по адресу Мичуринская, 5.

Заявление принесла жена Мухина. Было это, как сейчас помню, где-то в середине августа. Она рассказала на словах, что три дня назад ее муж вышел поздно вечером вместе с приятелями за сигаретами. Киоск располагается на улице прямо за пятым домом – тем самым, в котором по совместительству трудился сантехником Мухин. Мухина стояла на балконе, выходящем на пятый дом и видела, как муж с друзьями прошел через двор: у дома три по Саженной двор общий с домом пять, расположенным по улице Мичуринской. Я рассказываю все это так подробно не случайно – позже вы сами это поймете.

Собственно, обстоятельства исчезновения были следующими.

Мухин работал сантехником еще и в какой-то организации на железной дороге – то ли в депо, то ли в НГЧ (как расшифровывается – не помню). Но в тот день он с приятелями по месту работы получил зарплату и они отмечали до ночи это на квартире у Мухина.

Как водится у нас, выпили как следует, и как водится опять-таки в наших подобных компаниях, у них к концу мероприятия закончились сигареты и они курили окурки из пепельницы. Ну, а когда мухинские друзья пошли домой, Мухин вышел с ними вместе, чтобы пойти до киоска и купить пачку сигарет.

Жена стояла на балконе, благо ночь была по-летнему теплой, и видела, как пьяная компания, гарланя песни, прошла наискосок через двор к углу пятого дома и свернула за угол.

Там, по всей видимости, все собутыльники пошли каждый в свою сторону, по домам.

А Мухин – в киоск. Но вот после этого, сколько жена не ожидала на балконе, ее муж домой так и не пришел.

С полчаса она подождала, думая, что Мухин стоит около киоска – никак не может расстаться с приятелями. Но скоро забеспокоилась.

Естественно, она выскочила во двор и побежала к киоску. Нигде по пути Мухин ей не попался и вообще вокруг никого не было – поздно, далеко за полночь, двор и улица были пустыми. Не спросишь никого.

Тогда она догадалась расспросить продавщицу киоска. На вопрос – покупал ли у нее в киоске сигареты не так давно такой-то и такой-то (внешность у Мухина была характерной и запоминающейся), та ответила, что да, помнит. Был такой минут тридцать назад, купил сигареты и пошел направо – а дальше ей уже ничего видно не было – киоск стоит торцом к третьему дому.

Наутро женщина, так и не дождавшись мужа, пошла в райотдел милиции. Там ей объяснили, как подается заявление о пропаже человека и посоветовали обязательно обзвонить и посетить всех тех людей (а также те места), куда или к кому ее муж мог забрести по пьянке.

И вот через три дня она пришла ко мне. С заявлением и фотографией пропавшего Мухина. И с сообщением, что она проверила всех родственников, друзей Мухина, все места, куда мог ее непутевый муж забраться, не отдавая себе отчета из-за большого количества выпитого. И нигде и ни у кого Мухина не было и нет.

Ну, я мог приняться за разбирательство с этой пропажей сразу же – других перспективных дел у меня на тот момент не было, так что...

Для начала я внимательно опросил жену пропавшего. Не было ли раньше подобных случаев, не исчезал ли на несколько дней ее муж, не было ли у него любовных увлечений на стороне.

Женщина твердо заверила меня: да, Мухин пьет, и делает это часто, но домой ночевать приходит всегда. Она не припомнит случая, чтобы ее муж провел ночь где-нибудь вне дома.

На вопрос о возможных любовных связях, женщина улыбнулась и сказала:

– Да вы что! Вы посмотрите на него – какие там связи!

Действительно, на принесенном мне фото было изображено длинное, со впалыми щеками, словно бы истощенное лицо мужчины, на вид страдающего всеми хворями мира и словно бы доживающего последние свои дни.

Как-то не вязалось такое лицо с возможным женским вниманием, как-то не состыковывалось...

Значит, нужно брать ноги в руки – и вперед!

От Мухиной я знал фамилии друзей ее мужа, с которыми он выпивал в свой последний вечер и потому направился прямо в железнодорожное депо.

Все трое дали идентичные показания. Да, выпивали вместе постоянно. Чаще – у Мухина дома, так как он живет ближе всех к железнодорожной станции, и они почти всегда, когда замыслили *мероприятие*, шли именно к нему.

Нет, женщин «на стороне» у Мухина не было, в этом они были уверены, так как если бы кто-то и завелся, Мухин бы обязательно приятелям рассказал. Похвастался бы.

Да, помнят, как закончился третьего дня их вечер у Мухина: они все вместе вышли на улицу, точного времени, естественно, они не помнили, но было уже темно. Пели песню (кажется, «Ой, мороз, мороз!»), вместе подошли к киоску.

Нет, как Мухин покупал сигареты – они не видели. Попрошавшись с Мухиным, двое из них пошли по улице дальше, а третий свернул от киоска направо.

Я отпросил у начальства на работе их всех и они отвели меня к киоску, потом мы прошли по пути, которым они шли от Мухина, на этот раз в обратном направлении и подошли к подъезду, из которого эта пьяная гоп-компания вышла ночью три дня назад вчетвером. А теперь вот осталось их трое...

Нет, впечатления людей, способных убить приятеля, даже по пьяному делу, они не производили. Да и зачем? По какой такой причине?

Жена твердо уверила меня – во время распития ссоры не было. Шумели, перебивали друг друга – это да, было! Но и только! Так происходили их дружеские встречи постоянно. Напомню, что пила эта компания у Мухина еженедельно, если не чаще. Так что...

Затрудняло расследование то обстоятельство, что торцевая часть пятого дома, мимо которой прошла пьяная компания и обязательно должен был идти от киоска домой Мухин, не имела окон. Здесь была глухая стена.

Вот и я оказался перед глухой стеной в расследовании, когда опрос жителей дома номер семь ничего не дал. Дом располагался прямо напротив киоска, окна также выходили в эту сторону. И из-за жаркого времени года у многих были открыты окна или даже приоткрыты двери балконов.

Да, пьяную песню горланили, это слышали многие. Нет, никто не встал и не подошел к окну посмотреть, кто там поет, заливается?

Я занимался этим делом еще чуть ли неделю – и ничего мои поиски не дали. Никто ничего не знал, сообщить мне ничего не мог.

Так что – тупик, товарищи!

Через несколько дней я положил дело о пропаже Мухина в ящик стола. Это нормальная практика – раз по горячим следам ничего выяснить не удалось, нужно просто ждать.

Либо Мухин сам объявится – не он первый, не он последний (это происходит чуть ли не в половине случаев исчезновений), либо...

Вот об этом думать не хотелось. Потому что подразумевает это «висяк». То есть исчезновение без следов.

Правда, иногда вдруг вскрываются новые обстоятельства. Родственники пропавших ведь не сидят на месте – по сути дела, они почти всегда как бы ведут параллельный поиск. И иногда здорово помогают нам, оперработникам. Находят новых свидетелей, выявляют неожиданные факты. Что и помогает окончательно решить вопрос с поиском того или другого лица.

Так что я решил подождать.

А пока – заняться другим делом. Но не успел – чуть ли не на следующий день ко мне пришла новая заявительница. На этот раз это была взрослая дочь пропавшей.

Обстоятельства дела были такими.

Бухгалтер правления кооперативного дома номер пять по улице Мичуринской Козина, по всей видимости, исчезла ночью прямо из собственной постели. Ни было ни шума, ни посторонних людей в квартире.

Просто три дня назад дочь пришла утром будить маму – Козина работала бухгалтером еще и в частной фирме, и по утрам мама с дочерью расставались до вечера – дочь ехала на учебу в университет, а мама – на работу в фирму, где она была единственным бухгалтером. Так вот, зайдя в спальню Козиной, дочь увидела разобранную постель, а вот маму – не увидела. Обошла квартиру – нет никого! А одежда Козиной вся на месте, так что никуда выйти она не могла.

Ну, не в ночной же рубашке женщина вышла из дома?

Версия о том, что ночью к маме мог прийти близкий друг, они поссорились, и... Дочка же спала, так как была глубокая ночь, спала крепко и ничего могла не услышать...

Эта версия была сразу же отведена в сторону: у мамы не было, как твердо уверила меня дочь, близкого друга. По крайней мере, домой она никого не приводила.

А что до глубокого сна... Близилось начало занятий в университете, а у Козиной-младшей был «хвост» – она никак не могла сдать психологию, и поэтому почти до утра сидела над учебником. Спать легла уже чуть ли не в пять часов утра, поспала всего пару часов – и встала. Ей предстоял экзамен, и она быстренько повторила кое-какие экзаменационные вопросы.

И все это время в комнате у мамы было тихо.

Как вы понимаете, в данном случае искать было вообще негде. Версия могла быть лишь одна: дочь из-за неприязненных отношений организовала устранение матери, а затем сочинила такую вот сказочку.

Но... Во-первых, все опрошенные соседи в один голос говорили, что мать и дочь любили друг друга, ссорились, конечно, но по чисто обычным поводам: то дочь поздно придет домой из ночного клуба, то экзамен не сдаст... А вообще жили дружно.

Во-вторых, против моей версии о причастности дочери было следующее обстоятельство. Училась дочь в педуниверситете на коммерческой основе, и вот мама ее поэтому и работала в двух местах – зарабатывала деньги дочке на учебу.

Так что мама была как бы жизненно необходима...

Ну, и в третьих, сами обстоятельства исчезновения были слишком странными. Если бы дочь придумывала, то гораздо проще было сказать, что мама утром на работу ушла, а вечером – не вернулась. А так...

Согласитесь – дикая ведь какая-то история!

Я сидел над делом, ломал голову, и думал, что какая-то полоса невезения пошла – два дела подряд, и оба о каких-то невероятных исчезновениях людей... Сначала Мухин, теперь вот Козина... И вдруг меня осенило: как же я не обратил внимания сразу – и Козина, и Мухин работали в одном кооперативном доме! И жили в домах напротив друг друга – помните, я обращал внимание, что у дома пять по Мичуринской и дома три по Саженой был общий двор?

Что же получается? Два немотивированных, крайне странных исчезновения, и произошли рядом, буквально в десятке метров друг от друга? Я имею в виду, что если Мухин исчез в момент, когда шел мимо торца дома пять, то по прямой от угла дома до подъезда с квартирой, где жили Козины, от силы метров пятнадцать?

Я взял два листа бумаги, на одном написал «Мухин», на другом – «Козина», и принялся записывать на этих листах обстоятельства, связывающие оба исчезновения.

Скоро я мог прочитать и на том, и на другом листе следующее.

И там, и там не прослеживалось явного мотива. Ни для убийства, ни для исчезновения по желанию пропавших. И в первом, и во втором случае обстоятельства исчезновения были слишком уж необычными.

Положим, Козина могла мешать – она ведь бухгалтер. Но как можно осуществить устранение человека ночью, при бодрствующем свидетеле, прямо из постели, в которой пропавшая спала?

А вот Мухина можно было устранить! Теоретически у глухой стены могли быть люди, которые возвращающегося домой Мухина оглушили, оттащили и уложили, ну, скажем, в багажник машины. И потом... Да мало ли какой вариант можно придумать – ведь пропал-то сантехник на безлюдной улице, поздно ночью!

Но в том-то и дело, что безлюдной... Ведь компания прошла здесь всего от силы пять минут назад, и никого троих друзей пропавшего не видела.

Второе обстоятельство, связывающее оба исчезновения, причем – железно связывающее: время и место.

И в первом, и во втором случае – глубокая ночь. И в первом и в во втором случае – все крутится у дома номер пять.

Но как осуществилось само исчезновение – было не просто неясно – не было вариантов, о б щ и х для обоих случаев.

Да что там – общих! Варианта второго исчезновения не было вообще. Никакого!

Эти два дела почему-то крепко зацепили меня. И я не хотел откладывать их в сторону. Ну, не хотел – и все!

Я, наоборот, решил копать, и копать как можно глубже. И пригласил к себе участкового уполномоченного старшего лейтенанта Толю Голдобина. Это на его участке располагались оба дома, фигурирующие в моем расследовании.

Инженер Курочкин Олег Семенович

Да, причин для развития крайней степени желчности, как видите, у меня было достаточно.

Но дальнейшие события имеют начало как раз в том, что я отношу к обстоятельствам приятным.

А именно. Все началось с моего нового жидкокристаллического телевизора. Точнее даже, не с него, а с красного огонька.

Все телевизоры имеют блок питания, который инструкция рекомендует держать в режиме ожидания. Проще говоря, телевизор рекомендуется не выключать из сети кнопкой на корпусе аппарата, или выдергивая штеккер электропитания из розетки, а выключать при помощи пульта управления.

При этом электроэнергия подается телевизору, но только лишь на блок питания. А внутренние блоки обесточены.

И вот о таком режиме ожидания свидетельствует красный огонек, горящий на корпусе телеагрегата.

У меня он горел ярко, и когда я ложился спать на диван, огонек оказывался прямо напротив моего лица: телевизор располагался у противоположной стены, и нас отделяло друг от друга всего метра три.

Слева от дивана было окно и дверь на балкон, а справа – шифоньер с антресолями. Ну, а телевизор у меня был как бы встроен в густоту настенных полок с книгами и видеокассетами. Здесь же стоял сервант с посудой.

Однажды ночью я проснулся и увидел, как на моих глазах алый огонек сначала как бы раздвоился, а потом один остался на месте (на телевизионной панели), а второй сначала медленно, а потом все убыстряясь двинулся прямо ко мне.

И остановился в полуметре от дивана, на расстоянии примерно вытянутой руки.

Я почему-то не испугался, а по-прежнему лежа в постели, протянул руку к огоньку, стараясь коснуться его. Но огонек словно бы не желая даваться мне, отплыл назад.

Я убрал руку – огонек приблизился. Я протянул руку – он отдалился.

Тогда я просто повернулся на другой бок и как-то сразу заснул.

На следующую ночь я опять проснулся. Огонек вновь приблизился, но тут мне в глаза бросилась некая несообразность в комнате. Заключалась она в том, что с антресолей шифоньера, с многочисленных книжных полок свисали вниз как бы гирлянды какого-то растения с жирными темно-зелеными листьями. Словно все стены моей комнаты были покрыты плющом, только рос он не снизу, а словно бы из стен, спускаясь плетями вниз. От всего, что могло дать растению опору: картин на стенах, оконной гардины.

Почему-то я не испугался, не удивился, отметил про себя эту странность и вновь, повернувшись на другой бок, уснул.

Утром я все хорошо помнил. И меня поразило следующее обстоятельство. Ведь в комнате темно, откуда я знаю о цвете листьев растений и о том, что листья эти – «жирные и темнозеленые»?

И именно это совершенно успокоило меня. Я подумал, что это действие моего подсознания – или, говоря по-простому, привиделось мне все это – вот и все! Я был просто убежден в этом.

То, что произошло следующей ночью, поколебало меня в убеждении.

Снова глубокая ночь, снова я проснулся. Вновь рядом висел алый огонек, а стены покрывали вьющиеся темнозеленые стебли.

Но теперь и пол был покрыт странными жирными на вид и крупными листьями, причем среди них копошились какие-то существа, похожие на муравьев, но каждое размером с мой большой палец. И они что-то делали – то ли строили, то ли кушали...

Этой ночью под моим балконом горел уличный фонарь, и комната была наполнена рассеянным сумеречным светом, так что я ясно видел все, что теперь описываю.

И я впервые подумал, что попал в какой-то другой мир. Это не наваждение. И мне на этот раз почему-то вовсе не хотелось потрогать что-нибудь из этого мира пальцами.

Но я по-прежнему ничего этого не боялся. Так что опять полюбовался на иную жизнь, повернулся на противоположный бок и крепко уснул.

Ничего не забыв поутру.

Наверное, самое поразительное зрелище ожидало меня на следующую ночь. Я проснулся как бы в толще воды.

Но кожей не ощущал ее. А с другой стороны, вот она, точнее я в ней. И вода эта освещена слабым светом, и в ней, медленно шевеля полупрозрачными плавниками, плавали крупные, в человеческую ладонь, ярко-алые рыбы.

Я видел их во всех подробностях – спинка каждой густо красная, с боков они алые, а внизу брюшка имели как бы желтоватый оттенок, с которым контрастировали опять же алые плавники.

Я пытался, протянув к ним руку, коснуться хотя бы одной пальцами, но рыбы медленно, как бы с достоинством, отплывали в сторону.

Вода была неподвижна, снизу от пола моей комнаты вверх тянулись водоросли.

И я опять ничего этого не боялся и ничему не удивлялся...

Следующей ночью я, проснувшись, вновь оказался в комнате с растениями, копошащимися среди растений «муравьями». Но на этот раз они были не одни.

На углу длинной тумбочки с телевизором, прямо возле красного огонька, возился человек.

Я как бы видел, что он что-то делает, что смотрит на меня и хихикает при этом, но вот лица его я рассмотреть не смог. Вот ощущение хихиканья и гримасничанья у меня было, а какое у него лицо – не знаю. Но я явственно видел, что он в костюме сродни камуфляжному – если нарядить в камуфляжку существо размером с раскрытую ладонь взрослого человека, то вот это и будет то, что я видел.

Странно, но и тут я не удивился, а повернулся на бок и спокойно уснул.

Как раз в эти дни я взял за привычку после ужина стоять у окна кухни и наблюдать за жизнью во дворе и в доме номер три, что прямо напротив моих окон.

Сумерки сгущались, сначала зажигались огни в окнах третьего дома, позже – уличные фонари.

Но это уже – в наступившей полной темноте. После этого я шел в комнату и либо смотрел телепередачи, либо читал очередную книгу.

Как-то раз, когда уже перед сном я лежал на диване и читал книжку, во дворе раздалось громкое пение – какие-то пьяницы летом упрашивали «мороз не морозить их»...

Я вышел на кухню, подошел к окну и увидел прожигающего жизнь нашего сантехника Мухина. Длинный, нескладный, словно жердь из плетня, он вместе с несколькими собутыльниками шел наискосок через двор от своего дома. Эта компания как раз и пела пьяными головами, и я, вспомнив, как этот живущий в пошлой безмятежности человек делал мне ремонт трубы в ванной, желчно сказал вслух:

– Ну, сволочь! Что б ты издох, гад!

Но Мухин не издох, а продолжал движение по своим делам вместе с дружками, а я символически сплюнул на пол и пошел в комнату, где меня ожидал, ярко светя красным огоньком, телевизор.

Примерно через неделю, а может быть – и поболее, когда я стоял у кухонного окна, а заметил идущую, наверное, с работы нашу бухгалтершу Любовь Петровну Козину.

Одетая в красивое платье и алую курточку, она несла в руках полные пакеты и спешила домой.

Я же, вспомнив, как эта на вид вполне интеллигентная дама крепким матом обкладывала меня на собрании жителей нашего дома, сплюнув, со злостью сказал:

– Вот зараза! Пропади ты пропадом!

И сплюнул еще раз. И пошел к приветливому красному огоньку.

Рассказываю об этом, потому что через несколько дней ко мне вечером пожаловал наш участковый старший лейтенант Голдобин. И принялся расспрашивать, не видел ли я такого-то и такого-то дня что-нибудь подозрительного во дворе.

Я честно рассказал обо всем увиденном мною вечерами у окна за последние дни в нашем дворе. Кто проходил, когда, с кем...

Со злорадством упомянул и о пьяной компании нашего сантехника, кажется – и о бухгалтерше Любе.

И вовсе не придавал этому визиту никакого значения. Даже не поинтересовался, в связи с чем меня расспрашивает работник милиции.

Но его ведь интересовало что-то особенное, что бросилось мне в глаза?

А ничего особенного я ведь и не видел!

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

Толя Голдобин, участковый, обслуживающий участок с улицами Саженой и Мичуринской, был человеком добросовестным. Он работал здесь уже не один год и потому неплохо знал жителей своего микрорайона.

Когда я спросил его в частности, каков здесь контингент, он принялся назубок сыпать цифрами: столько-то ранее судимых, столько-то – наркоманов, столько-то неблагополучных семей, а также...

– Погоди, – перебил я его. – Я не об этом. Ты мне скажи – ты в домах третьем и пятом давно был?

– Это по Саженой и Мичуринской которые? – ответил мне Толя. – Да нет, недавно, вот третьего дня по одному запросу работал, был в третьем доме в квартире 18... Тебя что интересует конкретно?

– Конкретно, Толь, интересует, что, например, говорят жильцы об исчезающих у них во дворе бесследно людях. А также – по ночам из квартир! И говорят ли вообще?

Толя усмехнулся и закурил.

– Ну, что говорят... – Он выпустил кольца дыма и нахмурился. – Знаешь, особенного ничего и не говорят. Я к тебе, между прочим, сам хотел зайти. Потому, что узнал об исчезновениях именно, что от людей. А ты меня до сих пор не то, что не привлек к розыскным работам, а даже и в известность не поставил...

– А ты ежедневные сводки происшествий не читаешь? – ответил я. – Я ведь все сведения от себя в сводки аккуратно подаю. А что тебя не привлек – так не было необходимости, Толя. До сегодняшнего дня я думал, что сам справлюсь. Исчезновения какие-то тупые... Понимаешь, два случая в этих домах. И какие-то скользкие случаи.

– Ты чего имеешь в виду? – насторожился Голдобин.

– А то, что как только начинаешь искать общее между ними, оно вроде и есть, а вроде, как и нет! Один – мужчина, вторая – женщина. Один – сантехник и пьянчуга, вторая – бухгалтер с высшим образованием и чуть ли не образцовая мать.

Первый исчез во дворе, то есть на улице, вторая – чуть ли не из своей постели, то есть – в квартире.

– Ну, и что между ними общего?

– Да ты понимаешь ли, чутье мне подсказывает – связаны эти исчезновения друг с другом.

– Да чем, Серега? Чем они связаны?

– Необъяснимостью, Толя! И местом – дома стоят на расстоянии трех десятков метров друг от друга, и двор у них общий! Это первое. Нет никаких причин для исчезновения ни у Мухина, ни у Козинной! Это второе! Нет врагов, нет... ну, не понимаю я, кому мог помешать тот же Мухин! Так что говорят соседи?

– Да я ведь специально не расспрашивал, ты же меня не нацеливал на поиски. А говорят, как и положено говорить после всей чернухи, что народ видит по телевизору. Мухин, говорят, по пьянке упал в какой-нибудь колодец теплотрассы и загнулся там. А Козина – бухгалтер, причем на двух работах, так что людям с ней все понятно – проворовалась и ее грохнули...

Так что особого интереса у людей их исчезновение не вызвало. Хотя по-человечески жалеют, конечно...

– Значит так, Толя! Ты обойди всех жильцов обоих домов. Поговори – может быть, они что-то видели странное, что вызвало их недоумение, что ли... Ну, не знаю я! Спрашивай, не слышали ли от пропавших чего-нибудь – угрожал им кто-то, не было ли у них проблем на работе, ну, придумай сам!

– Придумай, придумай! Тогда давай мне розыскные дела, я посмотрю, у кого ты уже побывал и о чем говорил. И сориентируюсь.

Я же говорил, что Толя Голдобин – человек добросовестный.

Сам я решил проверить версию – а что, если не было никакого злоумышления против обоих, а просто они сами имитировали исчезновение? В частности, исчезли вместе, предварительно сговорившись? Ведь оба работали в правлении кооператива дома номер три? Козина начисляла заплату Мухину, он деньги получал у нее же... Мало ли, какие их могли связывать отношения?

Но сначала я решил проверить финансовые дела на фирме, где работала Козина.

Фирма называлась «Попутного ветра» и занималась организацией туристического отдыха в нашем регионе. Это санатории края, дома отдыха и турбазы Горного Алтая. Учреждение было небольшим, штат не достигал и десятка человек, Козина была единственным бухгалтером.

Прежде, чем идти в этот самый «Попутный ветер», я зашел в районную налоговую инспекцию и взял с собой их представителя. Налоговики – народ занятой, но как только я ознакомил их вкратце со своей проблемой, стоило им лишь узнать об обстоятельствах исчезновения, как они заинтересовались. Я, как вы понимаете, специально нагнал жути и интереса, рассказывая примерно в таком ключе: «Стояла ночь, тишина, из комнаты пропавшей не доносилась ни звука. Дочь заглянула, подошла к постели матери, посмотрела – мама крепко спала. Когда же через полчаса дочь во второй раз зашла к маме в комнату – постель оказалась пустой. Все! Исчезла!!!»

Любопытство – великая вещь. Сразу же нашелся налоговый инспектор для проверки фирмы «Попутного ветра» и финансовых дел жилтоварищества дома номер три. Я попросил осуществить проверку с единственной целью – не было ли каких-нибудь оснований для исчезновения Козиной? И, в частности – не пересекались ли интересы Козиной и Мухина?

Нет, вполне могли пересекаться! Затеял кто-то какую-то аферу в кооперативе, привлек Козину и Мухина для этого, а они... Да я понимаю, что все эти версии высосаны из пальца, но я хватался за соломинку, пытаюсь найти хотя бы какую-то зацепку... Не получалось ведь ничего!

Не буду утомлять вас, скажу в общем, что ничего и на этот раз мне не удалось накопать, ничего...

Налоговая инспектор проверила всю финансовую документацию и туристической фирмы «Попутного ветра», и жилищного товарищества, и ничего интересного не нашла. Ничего, что дало бы основание для меня задавать вопросы руководителям этих структур, сотрудникам.

Я, тем не менее, встретился еще раз с директором фирмы и председателем жилтоварищества – один раз я уже разговаривал с ними, сразу после исчезновения Мухина и Козиной. И вновь убедился в двух вещах.

Во-первых, не было оснований исчезать ни первому, ни второй, если рассматривать версию о связи их трудовой деятельности – и возникновения желания взять и исчезнуть. Оба были на хорошем счету, и ни один из них не имел отношения к каким-либо финансовым аферам.

Руководители меня просто высмеяли!

– У нас – туристический бизнес в Алтайском крае, – говорил мне директор турфирмы «Попутного ветра». – Ну подумайте сами, какие у нас могут быть финансовые аферы! Какие непонятки, в которых могла бы запутаться наша бухгалтер! У нас небольшая прибыль, очень узкий специфический охват туристической сферы – дома отдыха и санатории Алтайского края! И турбазы Горного Алтая! И все! А что касается этого, как его – сантехника Мухина, то я проверял – не привлекали мы к работе никакого Мухина! Нас обслуживает ближайшее ЖЭУ – у нас ними договор!

И далее в том же духе – нет, не было, это просто невозможно!

Тот же результат и в правлении жилтоварищества дома три. Нет, нет и нет! И не было! И просто даже быть не могло!

Толя Голдобин обходил квартиры двух домов три дня. И когда пришел ко мне, вид у него был растерянный.

– Слушай, ты прав! – сказал он мне. – Какие-то тупые исчезновения. И никто ничего не видел, не слышал, не знает и не предполагает. Ну, несколько человек видели, как Мухин с дружками пели во дворе, видели, как в последний раз с работы шла домой Козина. Но это – все! Почему и как исчезли сантехник и бухгалтер – никто представления не имеет! У всех на уме одно – сантехник по пьяни загремел в колодец теплосети, а бухгалтер проворовалась и сбежала.

Последнее, что я сделал, это установил всех родственников и знакомых Мухина и Козиной и потратил несколько дней, чтобы встретиться с каждым из них и побеседовать – знаете, не спеша, дотошно...

Бесполезно! Не смог я найти ни точек пересечения Мухина и Козиной, кроме ежемесячных встреч, во время которых бухгалтер выдавала сантехнику зарплату, ни каких-то общих интересов пропавших. На предположение о любовной связи Козиной и Мухина меня в правлении жилтоварищества подняли на смех:

– Да вы что, шутите так? – говорил мне председатель жилтоварищества. – Козина – и этот Мухин? Да он за зарплатой приходил только в своем рабочем комбинезоне, в котором работал в подвале с канализацией! Представляете его?

Особенно тщательно я опрашивал родственников, тех в частности, с кем пропавшие поддерживали хорошие родственные отношения. Братьев, сестер, родителей...

Ничего! Не было ни одного факта, даже – малюсенького фактика в пользу версии о том, что исчезновение – результат совместных усилий и предварительного сговора Мухина и Козиной.

Я опрашивал всех, попутно проверяя версию, что исчезли оба из-за того, что оказались случайно не в том месте и не в то время. Проще говоря – что-то увидели или узнали такое, что заставило неких людей избавиться от опасных свидетелей.

Но эта версия не выдерживала критики, слишком разные люди были Мухин и Козина и слишком на разных орбитах протекала их жизнь.

Но... но даже найди я точки их соприкосновения, опасные точки, которые явились причиной исчезновения, то есть получи я ответ на вопрос: Почему?», я никак не мог ответить на вопрос: «Как?» Как они исчезли? В особенности – бухгалтер Козина?

То есть после многих дней бесплодных расспросов людей и поисков пропавших я как-то утром сидел в кабинете, обхватив руками голову и совершенно ничего не соображал.

И в этот момент ко мне в дверь постучали и вошла заявительница с заявлением об еще одном пропавшем.

Три дня назад бесследно исчез Антонов Игорь Дмитриевич, 50 лет, проживающий в квартире 23 дома номер три, что по улице Мичуринской.

Антонов три дня назад пришел с работы – работал он разнорабочим в продовольственном магазине и по обыкновению принялся за ремонт в квартире.

Он сверлил, пилил, прибивал... Как я понял, побеседовав с женой, которая и принесла мне заявление, у Антонова в жизни, кроме работы, было три постоянных дела.

Летом – сад, который он посещал регулярно, обихаживал, пристраивал то баню, то сарай, через какое-то время – перестраивал их.

А остальные три времени года он, кроме работы в магазине, либо пил спиртные напитки в огромных количествах и почти ежедневно, либо в очередной раз кодировался от пьянства и тогда делал ремонт в квартире.

Не спеша, скрупулезно, тщательно и ежедневно...

И так – до следующего раза. Срыв в штопор алкоголизма, пьянство и – очередная кодировка.

Ремонт квартиры – и так до следующего раза.

С соседями он не скандалил, никого не обижал ни словом, ни действием. Безобидный человек.

А пропал странно – стучал себе вечером, потом пошел в туалет: посидеть, покурить, подумать...

И больше из туалета не вышел. Исчез бесследно!

Инженер Курочкин Олег Семенович

Ночью я проснулся в обычное время – я не упоминал, но это всегда происходило примерно в два часа ночи. И вновь оказался в почти привычном для меня ином мире.

Как и раньше, меня окружали все те же растения, на полу среди листьев копошились «муравьи», а возле красного огонька на телевизоре что-то делал «гномик в камуфляже».

Не различая по-прежнему его лица, я был уверен, что он гримасничает мне, а сегодня также показалось, что он хочет что-то мне сказать.

Но я во время этих ночных встреч с неведомым почему-то всегда молчал. Вот я сейчас думаю, и припоминаю – ведь действительно, пальцами я пытался потрогать что-то, и протянуть руку к чему-то, а вот ни звука ведь ни разу не издал!

Словно бы терял дар речи на время...

Так что я некоторое время смотрел на человечка на тумбочке, пытался рассмотреть его лицо, но очертания все время ускользали от меня, не мог сфокусировать взгляд на нем.

Поэтому, как и прежде, повернулся лицом к стене и уснул.

Через несколько дней у меня на работе произошло событие, которое не могло не привлечь моего внимания.

Я уже упоминал, что мог попасть под сокращение. При этом мои обязанности и обязанности архивариуса планировали объединить, причем почему-то отдавали предпочтение работнику архива.

Его собирались оставить, передав мои обязанности. А мою должность, соответственно, сократить.

В принципе, в таком объединении обязанностей ничего невозможного не было. Действительно, я работал активно лишь в конце каждого месяца, а архивариус работал постоянно.

И у меня, и у него работы было не очень много, так что один человек, при ответственном отношении к делу мог исполнять обязанности и инженера по технадзору, и архивариуса.

Но оставлять-то хотели не меня, а его! И это меня злило, потому что решение такое было насквозь пристрастным.

Мой коллега был подхалимом и угождал нашему начальству.

А я – нет.

Так что его вот оставляли, а мне грозило сокращение.

Конечно, я и материл его: на работе – про себя, дома – вслух, но поделаться-то ничего не мог.

И вот узнаю, что уже несколько дней мой соперник не выходит на работу. По учреждению нашему гуляют разные слухи, народ шепчется. Но ничего определенного никто не знает – куда делся архивариус, почему... Известно точно лишь одно: дома его нет, на работу не выходит.

Я, признаться, обрадовался. Исчезновение соперника делало неизбежным простое перераспределение обязанностей внутри нашей конторы, и в результате скорее всего, мне просто передадут архив. Дополнительно к моим нынешним обязанностям.

Вечером у меня было хорошее настроение. По дороге с работы я зашел в магазин и купил все для праздничного ужина. Мясо, вино, овощи и фрукты.

Этим вечером я решил устроить себе настоящий праздник.

Я нарезал свинину кусками, и замариновал мясо для шашлыка. У меня есть электрическая шашлычница, на которой прямо в квартире можно готовить шашлыки.

Затем я приготовил праздничный стол – нарезал овощи, разложил в тарелках зелень, помыл фрукты и красиво уложил их в вазу.

Откупорил бутылку вина. И занялся шашлыками.

Мясо запекалось минут тридцать-сорок, я включил тем временем видеоманитофон, поставил кассету с любимыми песнями. Включил телевизор.

На огромном экране запели и затанцевали.

Потом я сидел у экрана телевизора за накрытым столом, ел, пил и слушал музыку. Позднее, когда я уже убрал со стола, выключил телевизор и стоял на кухне у окна с чашкой горячего чая в руке, сбоку загремело, застучало и завизжало. Мой сосед Игорь Антонов принялся за ремонт.

Знаете, что бесило меня больше всего? Ровно в одиннадцать часов он прекратит все работы. Как и положено по закону: с 23-х часов до 7-ми часов утра – все обязаны соблюдать тишину.

Так что ни прикопаешься.

Настроение мое было бесповоротно испорчено, казалось, что стучал сосед не молотком по полу, а молотом по моей голове, и я буквально рявкнул:

– Что б ты издох! Что бы ты исчез из моей жизни нахрен!! Ты уже задолбал меня!!!

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

Таким было предпоследнее исчезновение. Да-да, вовсе не последнее. Да у меня уже после этого голова кругом пошла.

Потому что это было самое невероятное исчезновение. Судите сами.

Случилось все где-то около 21 часа.

Квартира номер 23 располагается на четвертом этаже. На площадке еще три квартиры. Забегая вперед, скажу, что соседи были дома, смотрели телевизор, ели-пили, читали газеты и ничего, понимаете, н и ч е г о подозрительного не заметили. Ни шумов, ни появления на площадке и вообще в подъезде кого-то постороннего...

Нет, ни в какой дверной глазок ни один из них не смотрел. Просто так уж случилось, что примерно в это время женщина из соседней, кажется, 24-ой квартиры пришла домой, а молодой человек из квартиры этажом выше, наоборот, спустился по лестнице вниз, вышел из подъезда и встретил здесь свою девушку.

И они стояли минут двадцать-тридцать, болтали, смеялись. Оба уверены, что за это время никто не заходил и никто не проходил мимо них, выходя из подъезда.

И никаких автомашин, стоявших в это время рядом, словом – все, как обычно!

Само исчезновение не давало никаких поводов для подозрений об инсценировке, о том, что все это придумано, словом, судите сами.

После позднего ужина, когда семья из шести человек все вместе сидели за столом, Игорь Антонов принялся за обычное свое досуговое занятие – делать квартирный ремонт. Его жена стала мыть посуду и занялась готовкой обеда на завтра, отец Игоря, который жил с ними, ушел в спальню и сидел на диване с газетой с руках, старшая дочь пошла в ванную комнату и занялась стиркой, а потом купалась в ванной, а младшие дети – братья-близнецы десятилетние Коля и Вова сидели в комнате и несмотря на то, что их отец рядом сверлил и долбил стены, то есть шумел, смотрели мультфильмы по телевизору.

Вот такая внутрисемейная картина-идиллия: все при деле, и главное – папа трезв!

Так была еще примерно около девяти вечера. А потом произошло следующее.

Антонов закурил и пошел в туалет. Поскольку дома были все свои, он за собой в туалете дверь на защелку не закрыл. И сколько прошло после этого времени – точно установить не удалось. Ну, посудите сами – жена гремит кастрюлями на кухне, дочь занята (и при этом напевает что-то) в ванной, в спальне шуршит газетой старик-отец, в гостиной комнате орет телевизор.

Прошло, может быть, полчаса, а может быть – десять минут. В общем, Коля захотел в туалет, напевая, подбежал к нему и открыл дверь. Зашел, пописал и выскочил бы, ничего не заподозрив, но обратил внимание на валяющуюся на полу дымящуюся сигарету. Он чуть не наступил на нее.

Со словами: «Пап, ты чего сигареты на пол кидаешь?» он с зажженной сигаретой заскочил в комнату, где у экрана телевизора по-прежнему сидел его брат и вот тут-то и обратил внимание, что отца как-то нигде нет.

Он зашел на кухню: «Мама, а где папа?»

Мама не знала, тогда он пошел к деду. Отца и там не было. Мультфильм тем временем продолжал идти, был интересным, и Коля выбросил сигарету в помойное ведро и пошел к брату. И сколько они сидели и смотрели телевизор после этого, мы так точно и не узнали.

По настоящему подняла тревогу вышедшая из ванной и захотевшая спросить о чем-то отца старшая дочь Лена. Она искупалась, принялась искать в квартире отца, не нашла... В общем, через пять-десять минут жена Антонова и дочь поняли, что Игорь исчез.

Нет, выйти из квартиры незаметно он никак не мог. Для этого он должен был пройти мимо двери кухни, где возилась его жена, и главное – миновать наваленные прямо у входной

двери доски, кучу инструмента и прочее. Жена Антонова сказала, что пробраться к двери без шума через весь этот хлам он бы не смог – она бы обязательно услышала. Да это подтвердил и старший наряда нашего отдела, который по вызову приезжал к ним и заходил в квартиру. «С трудом перелез», – сказал он мне на другой день.

Нет, выезд произвели случайно, обычно если человек пропадает, то дежурный райотдела на звонок о таком сообщении разьяснял, что необходимо подождать, обзвонить друзей и знакомых, и только через три дня прийти с заявлением об исчезновении и с фотографией пропавшего человека в кабинет 17 к уполномоченному старшему лейтенанту Уткину, то есть – ко мне.

Ну тут звонок-то был необычный! Жена позвонила в дежурную часть и кричит: «Мужа убили! Пропал куда-то. Срочно приезжайте!»

Сказала адрес и трубку бросила. Ну, на всякий случай толком ничего не понявший дежурный направил ближайший патрульный наряд на квартиру. И старший наряда констатировал факт исчезновения. И объяснил жене Антонова, что необходимо сделать и каков порядок подачи заявления в милицию по факту пропажи человека.

Вот на четвертый день жена Антонова и пришла в милицию с заявлением.

Ну, вечером этого же дня я внимательно опросил всех жильцов дома, кто мог что-то знать. Результаты опроса соседей по площадке вы уже знаете. Кроме того, я опросил тех, кто жил в квартирах, расположенных ниже и выше квартиры 23. Меня интересовало – не мог ли кто-нибудь спуститься с крыши или подняться по балконам снизу в квартиру Антоновых. Не заметили никто ничего подобного, да и молодые люди, стоявшие полчаса у подъезда также ничего т а к о г о не видели.

И так – все опрошенные: ничего подозрительного не было, никто посторонний не входил, не проходил, не выходил... У меня голова пошла кругом от всех этих «не-»...

На следующий день я сидел за столом в кабинете и внимательно читал документы из всех трех розыскных дел. Я в который раз пытался найти что-то общее, такое, что позволило бы мне хотя бы что-то понять, что-то нащупать, найти хоть какой-то след.

И вот здесь мне бросилась в глаза одна деталь.

Когда участковый уполномоченный Голдобин проводил опрос жителей дома номер три, жилец из квартиры 22 Курочкин сказал, что видел проходившего по двору с приятелями Мухина, и он же видел возвращающуюся с работы бухгалтера Козину.

Я нашел отчет Толи Голдобина и внимательно перечитал его. Действительно, получается, что именно Курочкин видел последним и первого пропавшего Мухина, и вторую – Козину. По времени, на которое ссылался Курочкин, выходило именно так.

Получается, что Курочкин увидел Мухина – и тот через несколько минут пропал!

А потом он же увидел через оконное стекло Козину – и той же ночью Козина исчезла! Прямо из своей квартиры!

А что он мне говорил вчера по поводу исчезновения соседа Антонова? Я нашел свой записи и, прочитав, вспомнил разговор с ним ну, буквально до единого слова.

Что он имел в виду? Говоря о проклятии?

Инженер Курочкин Олег Семенович

Наверное, не стоило говорить т а к о е этому оперуполномоченному Уткину. Но я просто не сдержался. Ляпнул, не подумав...

А ведь мне стоило насторожиться еще после визита нашего участкового. Когда я узнал об исчезновении этого паразита Мухина и грубиянки Козиной.

Но я ведь ничего особенного не заподозрил! Ну, совпадение такое, я даже позлорадствовал про себя.

Хочу восстановить весь ход разговора со старшим лейтенантом Уткиным.

Позвонил он мне в дверь вчера вечером, где-то часов в восемь. Сказал, что он совершает поквартирный обход в связи с тем, что несколько дней назад пропал мой сосед Антонов.

Я спросил его:

– А когда это случилось?

Он ответил:

– Четыре дня назад. Около девяти часов вечера.

Я добросовестно попытался припомнить, а что было четыре дня назад?

Я, конечно обратил внимание, что вот уже четвертый день как перестали раздаваться из квартиры соседа звуки ремонта. Это помогло мне легко припомнить и свой досуг четвертого дня после работы – я праздновал по поводу исчезновения угрозы увольнения!

Я и рассказал это Уткину. И про тот самый вечер, и что отношения у меня были с Антоновым нормальными, мог попросить у него в случае нужды электродрель или еще какой инструмент.

И именно в ходе рассказа припомнил все до деталей, что было тогда, в том числе – мое пожелание, высказанное в сердцах Антонову, когда он испортил мне вечер своими стуками.

И я спросил Уткина:

– Скажите, а вы верите в силу проклятия?

И тут же прикусил язык. Что-то забрезжило у меня в мыслях, что-то связанное с исчезновением Антонова и мною.

А Уткин тут же как клещ, вцепился в меня и попытался вытянуть, что именно я имел в виду, говоря о проклятии.

Я крутился, как мог. И в конце концов был вынужден сказать следующее:

– Послушайте, ну ведь все говорят, что у нас во дворе исчезают люди, и как-то странно исчезают. Вот был участковый у меня, он так и сказал: «Как-то странно все это». Вот я и подумал – может быть, это проклятие? Ну, знаете, как в кино! Проклянут кого-то – и он тут же как бы растворяется в воздухе!

Интерес Уткина тут же пропал, он как-то весь сник, а потом говорит:

– Кто же шутит по такому поводу? Человек ведь пропал!

– Ну, извините! – сказал я. – Просто Антонов всех достал своими ремонтами. Ну, неудачно я пошутил...

Он и ушел.

А я зашел в комнату и задумался. Я думал весь вечер, потом лег спать, так и не включив телевизор, даже наоборот – выключил питание от сети. И красный огонек погас. А то он почему-то раздражал меня и даже как-то мешал уснуть.

И на работе на другой день я тоже думал. О всех этих исчезновениях.

Что же получается? Идет по улице пьяница с дружками, я вижу их всех через окно, и говорю желчно: «Что б ты сдох!». Говорю только о сантехнике, и что же? Он пропадает, а остальные трое нет...

Теперь бухгалтерша... Я ее вижу через окно, она идет по двору, я говорю что-то вроде: «Зараза! Пропади ты пропадом!», и она той же ночью действительно пропадает!

А сосед мой, Игореша? Что там я пожелал ему? Что-то вроде, чтобы он исчез из моей жизни? Но ведь было это именно около девяти вечера, и он как раз вовсю стучал... А после того, как я выразился о нем... Он перестал стучать! Получается, сработало мое пожелание!

Но тогда...

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

На следующий день я от уголовного розыска дежурил по райотделу. Мы говорим о таком дежурстве: «Я сегодня на сутках». День ты работаешь, как обычно, а после того, как все расходится по домам – до утра дремлешь в кабинете. Это если нет происшествий по линии уголовного розыска.

А если что-то т а к о е случается – я вместе с нарядом выезжаю на место происшествия и осуществляю первоначальные розыскные действия.

Часов в восемь я зашел в дежурную часть и поболтал с дежурным по райотделу – капитаном Самойловым. Тот еще спросил меня – как твои поиски «бесследно исчезающих» проходят, успешно?

Он так и выразился – «бесследно исчезающих», и захохотал.

Весь райотдел к тому времени знал о происшествиях в домах номер пять по улице Саженной и номере три по Мичуринской.

Я ему в ответ скорчил рожу, сказал: «Ы-ы-ы!!!», и пошел к себе в кабинет.

Какое-то время поработал с бумагами, а ближе к полуночи задремал, сев на диван. У меня в кабинете стоял диван, а перед ним столик – на нем писали заявления посетители.

Но спал я недолго – зазвонил телефон, и дежурный попросил меня срочно спуститься в дежурную часть.

Именно так и сказал:

– Спустись в дежурку! – И положил трубку. А я понял, что произошло нечто касающееся меня лично.

И действительно.

– Звонили с Мичуринской, дом три. В квартире номер 22 только что вдруг раздался сильный шум, крики, какой-то вопль... Погоди-ка!

Он снял трубку зазвонившего телефона, переговорил и сказал, кладя трубку на аппарат:

– Ну вот! Оттуда же звонят, квартира 40. Это ведь соседний подъезд! И как это нужно орать, чтобы услышали аж в соседнем подъезде? Езжай, Серега, чувствую – это с твоим делом связано!

Я выехал вместе помощником дежурного на нашем УАЗике, и скоро стоял у знакомой двери квартиры 22. Курочкин!

Так как в понятых недостатка не было (на площадке толпилось человек пять жильцов, слышавших шум из квартиры соседа), и на звонки Олег Семенович не отвечал, я принял решение взломать дверь.

Мигом нашлись и топор, и и гвоздодер, и деревянная дверь квартиры номер 22 подалась нашим усилиям и распахнулась.

Я рукой придержал рванувшихся было внутрь темного помещения людей, достал «Макарова», передернул затвор.

Прислушался. Внутри стояла тишина. Как и за моей спиной – люди на площадке как-то разом все сразу замолчали.

– Сержант, за мной! – скомандовал я помощнику дежурного. – И двое понятых тоже!

Вчетвером мы почему-то на цыпочках вошли в прихожую.

– Ничего не трогать! – сказал я. – Ни выключатели, ни дверные ручки!

Сержант включил электрофонарь и протиснулся вперед. Так, вдвоем с ним разом, мы и вошли в комнату.

Луч фонаря пробежался по помещению, замер на время на не разобранной постели, на паре мужских домашних тапочек на полу посреди комнаты.

Никого. Ни следа хозяина, ни кого-либо еще.

Дулом пистолета я нащупал кнопку выключателя и включил свет в комнате.

Ничего не изменилось. На диване была неразобранная постель, огромный очень дорогой телевизор был обесточен, и единственным наводящим на размышления обстоятельством были как-то сразу бросающиеся в глаза прямо посреди комнаты валяющиеся на ковре мужские тапочки. Причем один тапок – перевернут.

Почему именно «валяющиеся»? Ну, во-первых, они были далеко друг от друга, причем перевернутый – носком к нам, а второй – наоборот, носком к телевизору. А во-вторых, лежали они так, как если бы кто-то взял – и швырнул на середину комнаты сначала один, потом второй тапок.

– Смотри, Сергей! – почему-то шепотом сказал мне сержант, показывая рукой в сторону стоявшего придвинутым к столу стула.

На его спинке аккуратно были развешаны брюки, пиджак и рубашка, а на сидение брошен домашний мужской халат, наполовину свисающий на пол.

Я сразу понял, что он имел в виду – получается, недавно здесь был человек максимум в трусах и майке. Я ведь помнил встречу с Курочкиным у него в этой вот квартире, и на нем был именно этот халат.

Черный, шелковый, с вышитым на спине китайским драконом.

Потом я опросил всех, кто не спал и слышал шум в квартире инженера Курочкина. Меня интересовал характер шума, вопля, в какой последовательности все это слышали соседи.

Они рассказали следующее.

Примерно около двенадцати ночи раздался какой-то шум, потом громкие крики. Это слышали пока только соседи Курочкина по подъезду.

Ну, это понятно – ночь, тишина, уже почти нигде не работают телевизоры, и поэтому слышимость через стены очень хорошая.

И вот после криков наступила на несколько секунд тишина, а потом раздался жуткий длинный вопль «А-а-а!!!» – примерно так описывали его все.

Вопль был такой сильный, что его ясно услышала жительница соседнего подъезда (из квартиры 40). И, подумав, позвонила в милицию.

Было уже около трех часов ночи. Когда я опечатал квартиру и решил вернуться сюда утром вместе с группой экспертов – ну, а что можно было предпринять поздней ночью? Да ведь и не факт, что с Курочкиным случилось что-то плохое...

Но это я, конечно, успокаивал так себя. Ясно было, что налицо еще одно бесследное исчезновение.

Инженер Курочкин Олег Семенович

Тогда получается, что исчезновение всех этих людей связано со мной. Но каким образом?

Привычка «обкладывать» таким вот образом (желая кому-то издохнуть, или что б кто-то пропал) – у меня давно. Так что если бы это было связано со мной, у-у-у, сколько бы людей исчезло! Но ведь не исчезали раньше!

Раньше! Р а н ь ш е, вот именно! Но насколько раньше? Или, точнее, как давно все изменилось, и мои пожелания стали осуществляться с роковой неизбежностью?

Я стал размышлять более целенаправленно, рационально, т о ч н о. И так, кто вообще-то исчез? Действительно ли таким уж роковым является мое проклятие?

Ну, бытовые недруги (соседи, работники правления жилтоварищества) – эти часто дают повод для недовольства, в результате проявляется моя желчность, озлобленность, и я позволяю себе выразиться...

А еще кто?

Тут я вспомнил исчезнувшего архивариуса нашей конторы.

А если исходить не из объектов пожелания, а результата претворения пожеланий в жизнь? То что тогда?

Тогда получается, что все скверное, происходящее с людьми, которые не угодили мне, это как бы мне на пользу!

Ну действительно, ведь это выполнение моих желаний? Ну и что, что сказал в сердцах, сгоряча – выразил-то я таким образом свое пожелание человеку? Со стороны это выглядит именно так!

Но кто именно «со стороны» видит и слушает мои пожелания? И потом их выполняет?

Нет, все-таки нужно понять, когда именно начались все эти события и что именно в тот момент изменилось вокруг меня? Что-то ведь появилось новое – чего не было раньше? Иначе и раньше люди бы исчезали... Коли такие гнусные мои проклятия исполняются с завидной точностью!

Итак, я стоял у окна, увидел пьяного Мухина, в сердцах обложил его, и он вскоре исчез. Все началась именно с этого.

А немного раньше... Нет, ну этого не может быть!

Примерно в это время ко мне по ночам стала являться в гости частичка другого мира. Все эти растения, муравьи, человечки...

Но ведь любой образованный человек, читающий книги, знает знаменитое логическое построение: «После этого (события) не означает – вследствие этого».

Здесь имеется в виду, что далеко не всегда очевидно связанные вещи являются причиной и следствием. Например, человека задерживают возле трупа с ножом в руке. Нож – орудие убийства, отпечатки на рукоятке – именно этого человека. Означает ли это, что именно данный человек убил ножом другого человека?

Нет! А если подозреваемый просто оказался, что называется, не в том месте и не в то время? Подбежал, человек умирает, он хочет помочь и чисто автоматически выдергивает нож из раны?

Но... но в этот момент уже подъезжает милиция, а человек – умирает.

Работники милиции видят труп и возле него – человека с ножом в руке. Как будто все ясно.

Но ведь нож в руке после убийства в данном случае вовсе не означал, что человек с ножом – убийца?

Если все-таки предположить, что этот неведомый мир, который открывается мне по ночам, способен влиять на наш мир, если этот «гномик» может легко уничтожать людей, просто-напросто «выдергивая» их отсюда и перенося... ну, бог его знает, куда! Главное, з д е с ь человек исчезает.

Но как-то не складывалось у меня. Во-первых, пусть гномик может действовать в каком-то значительном пространстве вокруг моего телевизора. Но архивариус живет черт знает где – на другом конце города!

Как туда мог попадать этот человечек в камуфляжке?

И появляется он только по ночам... В ночной темноте.

Но только по ночам ли? Если я вижу другой мир по ночам, значит ли это, что именно лишь по ночам он и существует вокруг нас? А если нет?

Я решил проверить это предположение.

Тем же днем, придя с работы, я дождался вечера, когда за окнами еще не наступила темнота, и задернув шторы в комнате, сел на диване. Красный огонек с панели телевизора приветливо смотрел мне в лицо.

Я зажмурил глаза, посчитал про себя до пятидесяти, и открыл их. Огонек сразу же раздвоился, подплыл ко мне. Но я смотрел не на него. Я смотрел на стены, на которых стали проявляться, словно бы на пластинке фотобумаги, помещенной в проявитель, плети выющихся растений с темно-зелеными листьями...

Я вскочил и включил свет. Все тут же стало обычным, как и должно быть: вокруг – стены, на них – картины, зеркало, пришпиленный кнопками календарь.

Я пишу все это, потому что теперь уже убежден – это не какой-то другой мир является ко мне по ночам, это я получаю способность ночью у в и д е т ь этот мир. А он существует всегда в нашем же пространстве и не вокруг нас, а просто является какой-то недоступной нашим органам чувств частью пространства-времени...

И поэтому в любом месте другой мир может найти дверцу и открыться – так что архивариус оказался обречен, как только я дома, сидя перед телевизором, однажды вспомнил, что он представляет угрозу для меня и высказался с пожеланием по его адресу...

Но почему тот, неведомый мир решил вдруг помогать именно мне?

А вот этого я не знаю. Но намерен узнать. Для чего сейчас пойду, выключу свет, получу доступ к этому гномику возле огонька и попробую с ним поговорить. То, что я до сих пор не попытался сделать этого, не означает, что мне э т о вообще не удастся.

Нужно все узнать от него и прекратить и х вмешательство.

По крайней мере, в такой вот форме...

Старший оперуполномоченный угрозыска Уткин С. Н.

Собственно, это и все. На кухне на сидении табурета лежали записи инженера Курочкина – что-то вроде дневника. Мы поэтому ночью его и не увидели – кухню осматривали бегло, здесь было все убрано, посуда перемыта, столы начисто вытерты.

Ну, а если бы мы прошли к окну – может быть, и обратили бы внимание на перевернутую обложкой кверху лежащую на сидении табурета раскрытую тетрадь. А так...

А так я только на другой день, вернувшись с тщательного осмотра места происшествия, который мы вместе с экспертами техотдела осуществили в квартире 22, смог ознакомиться с записями Курочкина, которые он сделал прямо накануне своего трагического исчезновения.

Почему трагического? Ну, если и не он вопил, так кричал перед этим воплем он – кому же еще-то?

Читал я дома, так как мне после суточного дежурства полагался отгул. Вот сразу после осмотра места происшествия я и забрал с собой записи и поехал отдыхать.

Да, забыл! Вот что интересно – наш технический эксперт Борис заинтересовался телевизором Курочкина. Ну, а что вы хотите – тогда такие телевизоры в квартирах были редкостью, да и стоил такой телеагрегат – не каждый бизнесмен мог себе позволить приобрести!

Боря попробовал включить телевизор – не включается! Проверил подключение к сети – все в порядке. Тут мы уже удивились – подобный телевизор просто не мог стоять сломанным. Совпадение?

Боря открыл заднюю панель и ахнул. Мы все, конечно, подошли. Ну, и хотя мы и не специалисты, но смогли понять, что внутри телевизора ничего нет – черная спекшаяся масса, из которой то здесь, то там торчат какие-то проводочки...

Борис потом делал экспертизу, написал в экспертном заключении кучу научных терминов и фраз, а на словах сказал, что если бы не знал, что это «начинка» телевизора, он никогда бы не догадался.

«Сергея, там все спеклось так, как будто внутренние блоки телевизора внезапно испытали воздействие температуры в сотню тысяч градусов, – сказал он мне по телефону. – Все не просто спеклось – все растворилось в какой-то субстанции черного цвета. Химический анализ ничего не показывает, радиологический – тоже, вообще ничего я сделать не смог!»

Так что с тех пор прошло почти десять лет, а все люди как исчезли бесследно тогда, так никто о них никогда больше ничего и не слышал.

Ясно, что виноват Курочкин, но виноват ли? То есть ответ на вопрос «Почему исчезли?» я получил.

Но ответа на вопрос «Каким образом исчезли?» я так и не знаю.

В общем, до сих пор все это так и осталось непонятным!

– х-х-х-х-х-х-х-х-х-х-

Мы все помолчали, обдумывая услышанное. Сергей тем временем вышел из купе, отправившись в тамбур на перекур.

Из нас четверых лишь он один был курящим.

– Значит, и этого Курочкина они утащили в собой... – сказал Алексей Петрович Русин.

Игорь Сергеевич, по обыкновению полулежащий на полке, движением бровей изобразил то ли согласие, то ли, наоборот, несогласие с ним.

– Этого мы не узнаем никогда... – как бы поставил точку на этой теме я. – Давайте-ка спать!

За окном была темнота, давно наступила глубокая ночь.
Поезд между тем шел себе дальше. Приближая нас с каждой минутой к Москве.

Утром мы проснулись поздно, по очереди сходили в туалет и умылись. Потом решили позавтракать.

Идти в вагон-ресторан никому из нас не захотелось – дружно постановили – в ресторан идем обедать!

А сейчас – легкий завтрак.

Позавтракали тем, что было у нас с собой. Ну, и конечно, заказали проводнице кто чай, кто – кофе.

До обеда простояли в коридоре у окна. Смотрели на степь, проносающуюся мимо, на небольшие поселки, на облака, которые наплывали на наш состав с запада.

А вот после обеда все получилось как-то само собой.

Мы начали говорить о цели поездки каждого, и Алексей Петрович упомянул о рукописи, которая осталась от его деда – Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта в отставке, Русина Алексея Петровича.

– Он сына в честь своего отца назвал Петром, – рассказывал оживленно Алексей Петрович. Ну, а мой папа назвал меня в честь деда Алексеем.

Мы сидели втроем – Сергей отправился покурить.

– Так вот! – продолжал рассказывать историю семьи Алексей Петрович, – дед у меня – героический был. Он умер в 1956 году. Съездил перед смертью в Прикарпатье, на Западную Украину, и вскоре умер.

А эту рукопись он написал еще в начале 30-х годов. Он ведь – воевал еще в первую мировую, закончил войну штабс-капитаном... А после 1917-го года пошел с большевиками – он сам не дворянин, из рабочей семьи был. Ну, и перед войной уже полком командовал. Он говорил – ему повезло, что его полк был на Урале, и в войну он вступил в декабре 1941-го года, под Москвой. Тем, кто первыми войну встретил – в июне 41-го, пришлось туго – да вы все ведь это знаете... Ну, а закончил войну в Германии, генерал-лейтенантом и командиром отдельного механизированного корпуса.

А Героя ему присвоили за форсирование Днепра – тогда по приказу Сталина всем, кто переплыл Днепр и сумел закрепиться на противоположном берегу, присвоили звание Героя.

Дед – сумел, переплыл сам, руководил переправой других – и остался живым!

Так вот, рукопись деда – наша семейная реликвия. И я везу ее в Москву младшему брату – у нас с супругой детей нет, ну, а у Ивана... Трое у него, да и живет в Москве, может быть, решится опубликовать.

Хотя – вряд ли! Дед не велел. Рассказывать – пожалуйста, а публиковать нет! Слишком невероятные и жуткие события он описал...

Вы, конечно, понимаете, что мы тут же принялись упрашивать его нам рукопись прочитать. Весь день был впереди, вагон уютно покачивало, на Русина смотрели три пары умоляющих глаз, и он не устоял – согласился. Мы закрыли дверь в купе, договорились слушать тихонько – вагон вкушал послеобеденный сон, так что...

Я с его согласия записал содержание рукописи на диктофон, и выпросил разрешение попробовать опубликовать – нет, не полностью, просто использовать ее в своей работе. Проще говоря – напечатать в переделанном измененном виде. Обязательно заменив фамилии и имена действующих лиц на другие.

Так что ехал я, как вы понимаете, на самом деле не с Алексеем Петровичем Русиним, ну, и дедушку его звали совсем не так.

Когда позднее я работал над этим романом, я столкнулся еще с одной проблемой. Тогда, в вагоне, все мы заметили, что рукопись была местами от долгого времени выцветшей, истертой на сгибах, и поэтому язык ее текста кое-где мне пришлось додумывать и просто-напросто – выдумывать. Ну, не знаю я особенностей русского языка конца прошлого века. Алексей Петрович в местах, где в рукописи текст был утрачен, рассказывал от себя, своими словами и современным языком. Он-то хорошо был знаком с содержанием написанного – и дед и отец, знавший текст рукописи чуть ли не наизусть, не раз читали его Алексею Петровичу в молодости.

А мне очень хотелось сохранить колорит языка того времени – я говорю о начале 20-го века. И что мог для этого – я сделал.

Но хочу предупредить читателя – язык нижеописанного события получился как бы смешанным... Ну, не ругайте меня за это – хотелось, как лучше, а получилось... Впрочем, если вы будете читать мой роман – сами увидите, что я имею в виду, говоря о придуманном мною языке.

А вот название предложил Алексей Петрович, и я с ним согласился.

Итак, мы подождали Сережу, чтобы он не перебивал Алексея Петровича, а слушал все вместе с нами, сначала, и...

Мертвая лощина

Повесть

1

Начать придется с напоминания, что в 1915 году, во время первой мировой войны, Россия приняла на себя главный удар германских, но в основном – австровенгерских, армий. И поскольку наши солдаты, ведомые в атаку храбрыми офицерами, почти всегда в штыковой схватке били супостата (так называли общим объединенным наименованием в народе в то время немцев и австрияков), Генштаб армии Германии, а затем и Генштаб Австро-Венгрии разослали по войскам наисекретнейшую директиву – выбивать всеми силами в первую очередь русских офицеров.

Дабы максимально ослабить русскую армию – ведь рядовыми в ней были призванные в армию русские крестьяне – сплошь даже неграмотные.

Так что, если лишить такую армию офицерского состава...

Это и было сделано. Обучили снайперов, и результат оказался налицо – уже в 1915 году чуть ли ни 2/3 офицерского состава русской армии были убиты либо ранены, а наступление нашей армии захлебнулось.

Зачем нам эта общеизвестная историческая справка? Да затем, что герой наш, который сейчас появится на сцене, подпоручик Алексей Русин – выходец из семьи промышленных рабочих. Причем – высокопрофессиональных, потомственных рабочих, тех, что не просто грамоте были обучены, но и книги читали, и спектакли рабочего театра посещали чаще, чем церковь.

А Алеша Русин вообще закончил реальное училище и готовился поступать учиться куда-нибудь еще, но началась война, и оказался Алеша сначала в армии, потом на краткосрочных офицерских курсах, ну, а к лету 1915-го года – на австро-венгерском фронте.

Просто до первой мировой войны офицером стать выходцу из рабочей семьи, да и вообще не-дворянину, было невозможно.

Но где же напасть столько дворян, когда за русскими офицерами на Восточном фронте немцы и австрийцы буквально вели охоту?

Вот и пришлось начать подготовку офицеров российской армии из разночинцев – а уж такие, как Алеша Русин – грамотные, законопослушные – представляли из себя прекрасных кандидатов в офицерские чины.

К моменту, с которого начнем мы описание жутких событий, что случились с подпоручиком Алексеем Русиним, командиром одной из рот Таганрогского им. Великого князя Константина, полка, 20-летний Алеша успел и повоювать и, вот ведь повезло парню! – хоть не раз и поднимал он своих солдат в атаку – ни разу не оказаться раненым.

Как-то обходили пули его стороной.

Стояло начало сентября 1915 года. В Прикарпатье, где проходили боевые позиции, занимаемые в то время воинами Таганрогского полка, природа находилась в том состоянии, которое мы называем бабьим летом – днем было солнечно и тепло, ночью – прохладно, но не холодно. Горы в этой местности были невысокими, скорее это были поросшие густым лиственным лесом холмы. Правда, повыше, ближе к вершинам каменистых выступов гор, лиственный лес сменяли хвойные породы, здесь было поэтому в лесах и темнее, и прохладнее. Да, пожалуй, и почва

была здесь сырой – по крайней мере, местами даже чавкала под лошадиным копытом или ногой человека – это смотря кто как передвигался – конным либо пешим порядком.

Ни это – на верхотуре. А в низинах и на склонах холмов лиственные леса стояли почти сплошь зеленые еще, лишь местами кроны деревьев чуть коснулись краски увядания – желтая да оранжевая. А вот до багряных оттенков еще не дошло – деревья багрянцем возьмутся попозже, в октябре.

Алексей в сопровождении двух своих солдат, рядовых Ивана Перепелкина и Данилы Сырцова – воинов опытных, попавших на фронт еще в августе 1914-го года, то есть сразу по началу войны, ехал по описанным выше местам в командировку во Львов, где находился в это время штаб фронта.

При себе у него был пакет с планом и картой боевых действий.

Вечерело, но было еще светло – время заката лишь близилось пока, и о ночевке никто еще не помышлял.

О чем думали ехавшие на лошадях неспешным шагом чуть позади своего командира рядовые Перепелкин и Сырцов – неизвестно. А вот Алексей все время прокручивал свой разговор с командиром батальона штабс-капитаном Ельцовым Федором Кузьмичем.

Казалось бы – разговор как разговор. Но Алексея нервировало, что за его спиной сидел, покуривая, какой-то поручик. И хотя он поначалу молчал все время, лишь пускал, выдыхая, дым в сторону, чтобы не обкуривать спину стоявшего перед ним подпоручика, все равно Алексей чувствовал за спиной его присутствие и волну какого-то тягостного недовольства, что исходила от одетого в новенькую, с иголки, форму незнакомого ему офицера.

– Алексей Петрович, – начал Ельцов, когда вошедший в блиндаж Русин по всем правилам доложил о прибытии, – хочу послать вас с порученьцем во Львов.

Тут он усмехнулся:

– Пусть уж немчура и астрияки называют Львов Лембергом, а для нас это – древний град Львов, основанный еще великим князем Даниилом Галицким...

Он продолжил далее:

– Нужно доставить пакет в разведотдел фронта – здесь вот написано, кому именно. Если не будет адресата – передадите через адъютанта командующего пакет представителю Генштаба – только обязательно скажите, чтобы в собственные руки адъютант передал.

Здесь карта, донесение и план наших действий. Пакет секретный, поэтому посылать приходится не с обычной фельдъегерской почтой, а офицерским порученцем... вы уж извините, что выбор пал на вас, но у нас в батальоне вы единственный, кто ни разу с начала нынешней кампании не был ранен – слава о вас идет, что везучий вы. А сведения в пакете – наиважнейшие, и должны попасть в штаб фронта в обязательном порядке.

Думаю, за два-три дня вы управитесь...

И вот тут-то подал голос сидевший позади лощеный поручик.

– Молодой человек, – сказал он, вставая, подойдя к столу и растирая окурок в пепельнице. – Позвольте представиться – поручик Осинский, военная разведка. Позвольте-ка вашу карту из планшетки...

Русин достал из планшета карту, которую получил с началом летней кампании, как и все командиры рот Таганрогского полка.

– Мы находимся вот тут, – Осинский пальцем ткнул почти в середину карты. – Двигаться будете на лошадях, в сопровождении двух-трех солдат – выберите сами из числа своих, поопытнее и понадежнее. В известность их поставите только о цели командировки, ну, и необходимости доставить пакет любой ценой. Любой ценой, слышите, подпоручик? В штаб фронта. Адресатов вам ваш командир назвал.

После недавних боев железная дорога приведена в негодность, телеграф тоже только начали восстанавливать. Так что... Алексей Петрович, сведения здесь, как уже упомянул Федор Кузьмич – наиважнейшие.

Пойдете следующим маршрутом – дорогой на город Густов, обойдете город справа, затем выйдете к Черному ущелью и перейдете его по мосту – вот тут! Далее лесом в юго-западном направлении проследуете к дороге Львов – Огуй, и затем – по шоссе во Львов, в штаб... Торопиться не нужно, главное доставить пакет...

Все это время палец поручика двигался по поверхности карты, и Алексей обратил внимание на никак не вяжущиеся с остальным внешним видом поручика пальцы руки – ногти были словно бы обломаны, под ними виднелась черная грязь.

Или копать.

Наверное, сам Осинский заметил это обстоятельство и торопливо убрал ладонь с карты.

– Подпоручик, запомните главное. Придерживайтесь маршрута, строго, неуклонно двигайтесь тем путем, что я вам сейчас назвал. Главное – не уклоняйтесь к северу от Черного ущелья, вглубь леса. Помните – ваш путь лежит строго на юго-запад, к дороге на Львов.

Алексей наклонился над картой.

– Но позвольте, господа! – сказал он. – Это же такой крюк к югу...

– Так надо! – коротко ответил поручик.

– Да уж, Алексей, ты, пожалуйста, строго выполняй инструктаж, – добавил штабс-капитан Ельцов. – Ну, конечно, если вдруг особые обстоятельства...

– О чем вы, Федор Кузьмич? – недовольно перебил командира батальона Осинский. – Ну, какие такие обстоятельства? Получил пакет, сел на лошадь, через два дня доставил пакет...

– А такие, Аркадий Викторович! – крепнувшим голосом продолжил Ельцов. – На руки на свои посмотрите! Я вот их сейчас увидел и вспомнил, что вы давеча после возвращения рассказывали...

Офицер-разведчик, словно бы впервые увидев, посмотрел на свои руки – кисти их были ободраны, ногти на пальцах обломаны, кожа покрыта то ли копотью, то ли жирной какой-то грязью...

– Ладно, Федор Кузьмич... – подумав немного, сказал поручик и, закулив новую папиросу, сказал:

– Вот что, юноша... – Алексей мгновенно подобрался и насторожился – из уст поручика, который был на глазок старше его лет на пять-семь, такое обращение можно было воспринять и как оскорбление.

– Да вы успокойтесь! – Осинский заметил свою оговорку и поправил себя: – Мы приказываем вам – в случае о с о б ы х непредвиденных обстоятельств вы можете вскрыть пакет и ознакомиться с донесением.

Теперь Алексей пришел в состояние недоумения – он ведь прослужил (да что там – и воевал!) почти год, все происходящее совершенно выбивалось из привычных рамок армейских отношений.

Он привык получать четкие приказы, сам отдавал такие же, а здесь...

И он осторожно поинтересовал – что, вообще-то еще больше выходило за рамки армейских уставных правил:

– Федор Кузьмич, что значит – особых обстоятельств?

И, поскольку штабс-капитан в ответ лишь пожал плечами, Русин повернулся к Осинскому.

– Соблаговолите объяснить, господин поручик, что я должен буду все-таки понимать под особыми обстоятельствами?

– Успокойтесь, подпоручик, – как-то устало ответил ему разведчик. – Строго придерживайтесь маршрута – и не будет никаких обстоятельств и неожиданностей. А коли появятся – вы сами поймете безошибочно, что пришла пора вскрыть конверт. Вы ведь – не зеленый новобранец, вы летнюю кампанию нынешнюю все прошли, так что догадаетесь, не беспокойтесь. Вот только боюсь – не очень-то помогут вам полученные из пакета сведения.

– Да уж, Алексей, это и есть, опасаясь, тот случай, что в Библии объясняется фразой «Многия знания умножают многия печали...»

И вот тут Алексей решил проявить твердость.

– Вы можете объясняться яснее? К чему я должен быть готов?

Командир батальона и разведчик переглянулись, а потом Осинский сказал:

– Главное – что могут появиться не просто особые, а непредвиденные обстоятельства. А коли они непредвиденные – ну, что мы вам можем сказать яснее того, что уже сказали?

– Ты, Алексей, главное – строго придерживайся маршрута, – добавил штабс-капитан уже в который раз.

Когда Алексей вышел из блиндажа и пошел к себе в роту, его догнал вскоре Осинский и придержал за руку.

– Есть у вас в роте ручные гранаты? – спросил он.

– Есть, – ответил Алексей.

– А ручного пулемета, случайно, нет?

– Есть один, «льюис», английский...

– Вы хотели определенности? Определенности описать не в силах, но совет вам дать могу – на всякий случай возьмите с собой заводную лошадь и как следует нагрузите ее. Пулемет, ручные гранаты, побольше патронов... Скорее всего, это вам не пригодится, но, на всякий случай... И не забудьте взять с собой солдат опытных, обстрелянных...

Вот поэтому за рядовым Сырцовым на поводу неспешно шла груженная четвертая лошадь. Поверх укутанной в брезент поклажи на спине у нее было крепко привязан «льюис» с толстым стволом и прищелкнутым к затворному устройству снаряженным круглым диском.

Так что пулемет был готов к стрельбе – снимай с лошади и поливая пулями все вокруг.

Разговор состоялся вчера вечером. А сегодня рано утром Алексей с двумя выдавшими виды солдатами уже неспешно двинулся на выполнение задания.

Именно неспешно – время для выполнения поручения ему почему-то определено не было – он только утром сообразил про это обстоятельство, но было поздно – они уже отъехали километров пятнадцать – не возвращаться же было назад?

Раз не сказали, к какому сроку доставить – значит, нечего и спешить.

А расстояние в километрах – это сейчас меряют, тогда в ходу была мера длины – версты.

Но нам теперь, в нынешнее время, сподручнее будет в нашем рассказе использовать километры, а не версты.

Тем временем наступил уже вечер, солнце пало за находящуюся за их спинами горку, и, пока не начало смеркаться, решили начать оборудовать ночлег – нашли место у крутого склона холма, заросшего карпатскими елями, с ручьем, журчащим неподалеку. Под могучим дубом, где почва была сухой, а трава – еще не начала жухнуть, вскоре горел костер, над которым был подвешен котелок с начавшей отдавать приятным ароматом пшеничной крупы каши.

Расседланные лошади были привязаны к низко опущенной к земле толстой дубовой ветке длинными поводьями, и щипали траву, неспешно двигаясь тут же, возле дерева.

Седельные сумки лошадей и поклажа заводной лошади были аккуратно сложены рядом с толстым дубовым стволом.

– Щас, вашбродь, кашка допреет, мы ее шинелкой укутаем и она дойдет – пальцы облизите!

– А мы ее сейчас улучшим! – весело сказал Алексей. – Ну-ка, Перепелкин, неси кашу сюда!

Он достал из висевших на поясе ножен австрийский штык-нож, потом подошел к горе поклажи и достал из своей сидельной сумки банку мясных консервов из офицерского допайка, Консервы были получены его денщиком вчера вечером и заботливо затем упакованы вместе с другим имуществом, предназначенным в дорогу.

Ловко вскрыв жестяную банку, Алексей вывалил содержимое в котелок.

К запаху пшеничной крупы прибавился острый аромат тушеного мяса.

– Ай, славно, Алексей Петрович! – сказал подошедший Данила Сырцов.

Он достал из-за голенища ложку, из фляжки ополоснул ее ключевой водой, и принялся размешивать содержимое котелка.

А над костром уже закипал котелок с водой для чая.

Пока оба котелка, укутанные шинелями, «доходили», рядовые сноровисто поднялись по склону и наломали еловых лап, из которых вокруг костра соорудили три мягких ложа. Накрытые брезентом, они должны были послужить постелями.

Тем временем наступил поздний вечер – с гор спускался туман и затягивал низины, которые лежали впереди – завтра всем троим предстоял путь именно туда. Где-то там находилось Черное ущелье и единственный на много километров влево и вправо (если верить карте) мост, перекинутый через него.

Алексей лежал на лапнике, зубами пережевывая травинку, и смотрел на вершины гор слева от них, которые пока еще были освещены уже сильно покрасневшим светом вечернего солнца.

Стояла тишина, цикады уже молчали – уснули до следующей весны. Наступил момент ночного н а ч а л а – его возвестил застрекотавший свою песнь первый лесной сверчок. Вскоре к нему присоединился второй, третий, четвертый...

«Странно, думал Алексей, глядя, как солдаты сноровисто раскладывают кашу по металлическим походным мискам, а в кружки разливают ароматно пахнувший травами и листьями чай – зачем чайная заварка, когда в лесу в изобилии растут и смородина, и малина? Странно, но почему-то совсем не было слышно птиц – вроде по пути воронки из-под снарядов не попадались, так что боев здесь не было – куда же живность лесная подевалась?»

Впрочем, «журчание» сверчков полностью заменяло все остальные возможные шумы ночного леса.

2

После еды, которую все неустанно нахваливали, и неспешного чаепития все закурили, причем Алексей угостил солдат папиросами, которые также входили в офицерский паек.

Сначала молчали, потом, как водится, начали звучать различные солдатские истории, которые случились либо с ними самими, либо с тем, кого солдаты знали.

Истории, конечно, были о разных разностях, которых, вообще-то, стараются к ночи не поминать, но на самом деле в жизни постоянно только это и делают – ну, как русским людям не начать с наступлением сумерек пугать друг друга, если, к примеру, случается собраться на посиделки? Или, скажем, в ночном, во время выпаса лошадей?

Солдаты были из крестьян, а значит – знали множество историй про ведьм, колдунов и прочую чертовщину.

Алексей, улыбаясь, помалкивал, – слушал. Сам он был из потомственных рабочих, а посему не очень-то религиозен, да и в «страшилки», коими пугают ночами в деревнях, не очень-то верил.

Правда, оба солдата не случайно воевали в Таганрогском имени Великого князя Константина, полку. Полк формировался в Херсонской губернии, крестьяне там были переселенцами, причем – из самых различных губерний Российской империи.

Родители Ивана Перепелкина как раз и были родом из этих мест, и рядовой Перепелкин хорошо знал фольклор Западной Украины и Прикарпатья.

– Слышали про вурдалака Драгулу? – начал он очередной рассказ. – Так он из этих мест был...

– Не Драгула, а Дракула, и он не из этих мест – это дальше, в Румынии, – поправил Перепелкина Алексей.

– Э-э, нет, вашбродь, Алексей Петрович, то другой был, ранешний! А здешний был князем, Драгомиров, кажись, вот его Драгулом и называли.

– Ну-ну! – заинтересовался Русин. То, что в рассказе будет присутствовать историческая конкретика, фигурировать реально жившие здесь люди, привлекло внимание Алексея.

Частенько в таких историях отражалась действительность, правда – искаженная позднее из-за крестьянских вымыслов, но тем не менее – не придуманная вообще, а, возможно, имеющая корнями нечто, происходившее когда-то на самом деле.

– Они, то есть князь здешний, раскопали какую-то старинную могилу, – начал рассказ Перепелкин. – А могила не простая была – старики говорили, что вурдалачья. Упырь в ней был когда-то давно закопан...

– Это как? – покуривая мелкими затяжками папироску, чтобы продлить удовольствием, спросил Данила Сырцов. Он был по возрасту старше, и хотя воевали они с Перепелкиным вместе с первого дня, как был сформирован Таганрогский полк, отличался от более молодого товарища практичностью и свойственной крестьянам основательностью. Ну, и также – скептицизмом. – Откуда вдруг взялась вурдалачья могила и зачем ее раскапывать?

– Да подожди ты! – начал волноваться Перепелкин. Так всегда волнуется рассказчик, который припас что-то необычное за пазухой и готовится это необычное достать – а тут ему мешали. – Ну, какая разница – откуда взялась могила? А раскапывал князь Драгомиров все подряд – он этой увлекался, как ее... арге... нет, архоло...

– Археологией, – подсказал начитанный Алексей, улыбаясь.

– Точно, ей самой! – подтвердил Перепелкин. – Эти, как вы сказали, вашбродь? Архе...

– Археологи!

– Ну, да, они всегда все старое раскопывают. Ну, вот он, князь то есть, и раскапывал. А могила эта была на горке замаскирована, и он на нее случайно наткнулся...

– Это как? – Сырцов приподнялся и бросил окурок в костер.

– Ну, не знаю. Данила, ты не перебивай!

– Действительно, вы, Сырцов, никак не даете закончить Ивану его историю.

Алексей по большому счету к рассказу Перепелкина уже потерял интерес – сколько таких баек в детстве он наслушался от соседских ребят? Когда вечерами собирались на чьем-нибудь крыльце и начинали пугать друг друга... И непременно про упыря или вурдалака кто-нибудь вспомнит. И тогда обязательно – один и тот же набор – кто-то раскапывал старую могилу, там оказался вурдалак, он укусил, и на свет появился новый вурдалак... И конец всегда один и тот же – кто-нибудь осиновым колом пробьет сердце вурдалаку, и его душа успокоится. И обязательно заканчиваются истории так: «А только старый вурдалака по-прежнему в той могилке лежит и ждет, когда кто-нибудь могилу опять раскопает...

Ну вот, так и есть! Алексей вернулся мыслями к происходящему рядом, и стал вновь слушать рассказ Перепелкина.

– И князь, как стал вурдалаком, всю свою семью убил, а потом стал крестьянок в деревнях ночами кусать – кровь пил. А потом, когда все окна деревенских домов уже были с наклеенными крестами на стекле, над дверями вязанки чеснока, и в каждом доме по ночам кто-нибудь не спал, а сидел посередине комнаты со святой водой наготове...

«Ну, конец князю-вурдалаку!», – с ленцой подумал Алексей.

И как в воду глядел.

– Князь трое суток летал в деревню и стучался в двери, – со страхом и таинственностью в голосе говорил тем временем Перепелкин. – А крови-то новой напиться так и не нашел! Ну, и умер! Старики говорят – улетел в ту старую могилу, что раскопал, и там залег с хозяином.

– Пока кто-нибудь снова их не раскопает, – закончил за него историю Алексей. – Иван Иванович, это же все неправда! Ну, вот скажите – князь прилетел, лег в старую могилу, умер, так?

– Точно так, вашбродь Алексей Петрович, – подтвердил Перепелкин.

– Ну, а кто же могилу закопал? – спросил Алексей.

На какое-то время наступила тишина – и Русин, и Сырцов ждали ответа.

– А-а-а! – махнул рукой Перепелкин. – Ну, откуда мне знать?

– А ты подумай, Иван, подумай! – сказал рассудительный Сырцов. И, обращаясь к поручику, спросил:

– Алексей Петрович, я что хотел спросить... А чего это вам этот поручик говорил давеча? Ну, когда вы от командира нашего, их брагродия Федора Кузьмича, шли?

Алексей повернул голову к солдату – вопрос такой был сродни панибратству. Алексей Русин, как выходец из рабочих, с подчиненными, да и вообще с солдатами, старался говорить уважительно – называл по имени, или имени-отчеству даже, это – смотря по возрасту солдата. Но спрашивать офицера, о чем он разговаривал с другим офицером – граничило с панибратством, а можно сказать – что было просто хамством.

Сырцов это понял, и стал объяснять:

– Вашбродь, вы не подумайте чего... Просто поручик этот как раз возвращался с высоты, когда я был в передовом карауле. Я в секрете, в окопчике лежал, вместе с Кузьмой Сыроежкиным, а их благородие, весь чумазый, оборванный оттуда, с высоты, значит, ползли... И за собой какую-то железяку тащили. На веревке...

– Погоди-ка, Данила Ионыч, погоди! – перебил его Алексей, вмиг забывший и о возможном панибратстве, и о князе-упыре, и вообще обо всем. Необычный поручик с поврежденными кистями рук нет-нет – да и вспоминался ему всю дорогу. – Давайте-ка по-порядку – когда это

было? С какой именно высоты полз поручик? Что за железяку тащил? Не торопись, пожалуйста, Данила Ионыч, не спеши!

– Ну, тогда так, Алексей Петрович, – начал, не спеша, рассказ рядовой Сырцов. Но перед этим насыпал на клочок бумаги щепоть махры, ловко свернул ее и кончиком языка провел по краю бумаги, заклеив после этого самокрутку.

– Значит, когда третьего дня мы высоту хотели взять, но поначалу ничего не получалось, пока из пушек ее всю не исковыряли – вот, почитай, все однако и началось. Я-то сам, как на духу говорю, этого не видел, но когда мы давеча с Кузьмой лежали в секрете и мимо поручик прополз, Кузьма опосля мне все и рассказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.